ДАГЕСТАН

№ 1 (10)

Читайте на стр. 7

Читайте на стр. 37

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1(10)

ДАГЕСТАН

январь/ февраль 2004

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Загир АРУХОВ,
министр по национальной политике, информации и внешним связям РД
Магомед АХМЕДОВ,
председатель Правления Союза писателей РД
Людмила АВШАЛУМОВА,
член Госсовета РД, первый проректор ДГУ
Расул МАГОМЕДОВ,
доктор исторических наук
Булач ГАДЖИЕВ,
народный учитель СССР
Казбек СУЛТАНОВ,
литературовед
Марина АХМЕДОВА,
поэт, переводчик
Камиль ХАНМУРЗАЕВ,
доктор филологических наук
Космина ИСРАПИЛОВА,
поэт, прозаик
Арбен КАРДАШ,
поэт
Шапи КАЗИЕВ,
писатель

РЕДАКЦИЯ:

Далгат АХМЕДХАНОВ, главный редактор
Мурад АХМЕДОВ
Гаджикурбан РАСУЛОВ
Джамал РАБАДАНОВ
Ольга МАТАЕВА
Хуризадай МАГОМЕДОМАРОВА
Байгиши БАЙГИШИЕВ
Хаджимурад ЗУРГАЛОВ

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО

Далгат АХМЕДХАНОВ_____политика
Выборы: послесловие и предисловие…Ичтосказал Александр Яковлев……2
_____наука
Шамиль Алиев и копилка страны……7
Салихат ГАМЗАТОВА_____искусство
Звонкое имя – Манаба……10
Юлия ЗАЧЕСОВА_____культура
Молодое полпредство республики……14
Булач ГАДЖИЕВ_____память
Великан-дагестанец……15

ЛИТЕРАТУРА

Магомед ВЕДИХ_____проза
Патак……18
Наталья АНДРИЯНОВА_____поэзия
О Дагестане……25
Джамал РАБАДАНОВ_____проза
Тонкий и Светлая……26
Марьям ХАЛИМБЕКОВА_____имя
Иосиф Бродский: возвращение……32
Тагир БИЖАМОВ_____наследие
Сочинения Эвлия Челеби……35
Тимур РАДЖАБОВ_____поэзия
А город нами правил……36
Георгий КАЛАНДЖИЕВ_____сатира и юмор
……37
_____событие
Корабль имени Расула……37

Зульфукар ЗУЛЬФУКАРОВ_____здоровье
Бальзам……38
Кроссворд……40

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: 67-02-03 (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@iwt.ru

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ «Возрождение» г. Махачкала, К/с 30101810500000000882, БИК: 048209882, ИНН: 0562053040 КПП 056201001 ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии. Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Насрутди-нова, 61.

Усл. п. л. – 5. **Тираж – 1000 экз.**
Номер заказа –

Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Роспечати» – 15 руб., у общественных распространителей – свободная.

ОБЩЕСТВО

ПОЛИТИКА

Далгат АХМЕДХАНОВ

ВЫБОРЫ: послесловие и предисловие... И что сказал АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

Годы летят – как смена дня и ночи: тик-так, тик-так... Вот и 2004-й уже. Что нас ожидает?

Как утверждают ученые, астрология – это блеф, всякие там прохождения орбит Венеры через Плутона и наоборот. Предсказания гадалок и крутых экстрасенсов – тоже: это что дышло – куда повернул, туда и вышло. Что же до политических прогнозов, то недавние выборы в Госдуму подтвердили и их несостоятельность. Правда, с одной оговоркой: смотря, кто прогнозирует и что преследует – объективность или своекорыстный интерес.

Да, самым крупным политическим событием ушедшего года были выборы в парламент, а самым крупным политическим событием года наступившего будут выборы президента. От итогов и тех и других зависит, какие произойдут (и произойдут ли) изменения в жизни россиян, в том числе и нас, дагестанцев. Комментариев после избрания парламента прозвучало уйма. Но в ответах на вопрос «что же показали выборы?» не прозвучало, на мой взгляд, самого точного и самого всеобъемлющего показателя.

Что я имею в виду.

Говорилось, что сокращение представительства коммунистов – сенсация, как и увеличение в Думе числа жириновцев. Мол, коммунистическая идея продолжает умирать, а националистическая – возрождаться. Бесспорно – так. Говорилось, что победа партии власти не столь убедительна, как ожидалось, а впечатляющий успех блока «Родина» – довольно неожидан. Бесспорно и это! Говорилось, что сенсационен и провал демократических партий – «Яблока» и СПС, что объясняется их непомерными амбициями, неумением и нежеланием объединиться, неверно организованной предвыборной агитацией. Все правильно. Но... Но не называлась причина, которая объясняла вкупе все эти результаты. А она в следующем, как я считаю, и странно, что она не фигурировала в качестве основной и самодовлеющей, хотя лежит на поверхности.

Дело в том, что избиратель разделил всех претендентов на депутатские кресла по одному главному признаку: кто за Путина и кто против. Партия чиновников, жириновцы, блок «Родина» – всемерно подчеркивали свою поддержку президенту, и они выиграли с оглушительным успехом. Партии коммунистов, «Яблоко» и СПС критиковали (каждая со своей стороны) президента и оглушительно провалились. Ведь все очень просто: народ президенту верит и голосует за тех, кто разделяет его (народа) убеждения.

Результат, тем не менее, не самый лучший. Теперь президенту легче проводить свои реформы – и это замечательно. Но то, что в Думе наряду с левой оппозицией нет и правой – это плохо. Оппозиция в нормальном обществе всегда есть и всегда должна быть представлена в парламенте (чтобы «кошка ловила мышей»). Оппозиция умная и честная, разумеется, а не горлопанящая в чьих-либо конкретных интересах. В Думе теперь конструктивной оппозиции будет не густо. Впрочем президент наш это понимает. Так считает народ, что вселяет надежду.

Чтобы верно определить свой путь в будущее, надо понять свое прошлое. Есть ли люди в нашем отечестве, которые его понимают? Конечно же, хотя их и меньшинство. Один из них – Александр Николаевич Яковлев, который хорошо знает это прошлое изнутри и который имеет мужество честно, не оглядываясь по сторонам, заявить об этом. Знакомство с мнением умного и дальновидного политика, надеюсь, будет полезно нашим читателям. С этой целью в нынешнем номере журнала перепечатывается из газеты «Московский комсомолец» от 1 декабря 2003 года (накануне думских выборов) интервью Оксаны Химич (с ее разрешения) и публикуется мое интервью, взятое у А. Н Яковлева по телефону 9 декабря 2003 года (после выборов в Думу и уже в преддверии президентских). Высказанные им суждения представляют несомненный интерес.

Итак, вначале интервью Оксаны Химич.

Александр ЯКОВЛЕВ: «У нас в политике всесторонне недоразвитые люди»

РОМАНТИК «ВОСЬМИДЕСЯТНИК»

Он родился за год до смерти Ленина. И был обласкан всеми последующими партийными вождями. При Сталине ему, заведующему отделом пропаганды и агитации Ярославского обкома партии, высшие чины КГБ докладывали о подозрительных настроениях, блуждающих в среде местного студенчества. При Хрущеве он вырос до аппарата ЦК КПСС и трудился в секторе пропаганды и идеологии уже в масштабе целой страны – пробивал строительство Останкинской башни, стал одним из отцов-основателей радиостанции «Маяк», писал речи для членов Президиума Верховного Совета СССР и самого Никиты Сергеевича. При Брежневе – уже возглавил идеологический сектор ЦК КПСС и продолжал заниматься «писательской деятельностью» – то есть составлял речи и доклады для генсека. При Горбачеве «дорос» до секретаря ЦК КПСС и оставался главным идеологом страны. И перевернул эту самую страну с ног на голову, на пару с Горбачевым став архитектором перестройки.

Яковлев «пережил» всех. И теперь, когда «иных уж нет, а те далече», Александр Николаевич по-прежнему на особом счету. Завтра ему исполнится 80, но о пенсии он даже не думает: лично встречается с президентом, наставляет на путь истинный друзей-демократов и возглавляет международный фонд «Демократия».

– Вам довелось работать со Сталиным, Хрущевым, Брежневым, Андроповым. К кому-то из них относились с симпатией?

– Ни к кому. Все были способны на расстрел. Хотя бы Хрущев. Конечно, его великая заслуга в XX съезде, разоблачении культа личности Сталина. Но при нем в России было 16 восстаний, которые были подавлены вооруженным путем. А Андропов – не приведи господи, чтобы он оставался долго у власти. Он законченный сталинист, искренне верил в коммунизм. Андропов много говорил о взятках, коррупции. В принципе он имел на это право. Андропов, как и Суслов, никогда не был уличен во взятках. Все остальные-то этим грешили. Лет 20 я работал с Сусловым. Все эти 20 лет он ходил в одних галошах, длинном черном пальто и черной шляпе. Помню, выходит как-то Суслов из здания ЦК в своих галошах, прищуривается, присматривается – на улице солнышко светит. Он опять вернулся в здание, снял галоши в холле и поехал домой уже без них. А Брежнев был более циничен, ему на все было наплевать.

– Между тем генсеками вы были обласканы. А вы сами-то человек без греха?

– Безгрешных людей не бывает. Но грех – понятие религиозное. А я – человек крещеный и своих детей покрестил. Жена настояла, а если женщина говорит надо – значит, надо. А грех... Вот пытаюсь что-нибудь припомнить... Если нравятся две девушки, а с которой целоваться – вот задача. Как думаете, это грех? По-моему, нет.

– В своей книге «Сумерки» вы признаетесь, что прессинг СМИ того времени приводил вас в ужас. А как по-вашему, что сейчас происходит со свободой слова?

– Ну что происходит? За исключением нескольких изданий, к которым я отношу и газету «Московский комсомолец» да еще парочку, – все остальные редакторы притихли, они боятся. А с телевидением совсем беда. Либеральное телевидение просто исчезло. Есть отдельные передачи, но я их даже называть не буду – ведь задавят сразу. Если вы меня спросите: кто виноват в том, что нет свободы слова, – я вам отвечу. На 5% – власть, а на 95% – мы. Мы же сами прижимаем хвосты. У нас же как: только человек добился редакторского кресла, уже боится его потерять. Может, еще никто и не запрещал чего-то писать, а они уже трясутся.

– Получается, то, к чему вы стремились в период демократических преобразований, даже спустя 18 лет так и не свершилось?

– Но в истории не было такого периода, чтобы ожидания полностью совпали с реальностью. Вот дьявольские вещи сбываются: задумал войну и сделал дело. А решился на мирные переговоры без насилия – столько трудностей и подводных камней! Естественно, я был готов, что не все из намеченного можно исполнить. Даже писал Горбачеву записку: что и как нужно делать. И кое-что у нас все-таки получилось. Конечно, я мечтал не о сегодняшнем законодательном собрании. Мне, по моей романтической натуре (а в политике это вредное дело), казалось, что в Думу на альтернативной основе выберут честных, порядочных, совестливых людей. А пришли прохвосты, демагоги, хапальщики, продажные лицемеры. И люди стремятся попасть туда во что бы то ни стало. Мне ведь тоже предлагали стать заместителем председателя партии, генеральным секретарем, председателем Верховного Совета. А я отказался. Трижды приглашали в Думу со стопроцентной гарантией прохода туда. Но я уже знаю, что такое власть. Мне этого хватило. Одно могу сказать: если бы я был председателем Верховного Совета, путча бы не случилось. События 1991 года приостановили перестройку в самый острый, самый нужный, напряженный момент. Все-таки крепки мы задним умом.

– Ваш друг Михаил Сергеевич, вместе с которым вы и затевали перестройку, с вами согласен?

– Мы не очень-то и дружим. Я вообще не знаю, что означает это слово. Просто в хороших, нормальных отношениях. По большому счету поверить в дружбу политических зверей невозможно. Да что далеко ходить.

Я провел на своем веку тысячи переговоров – мой партнер по переговорам знает, что я вру, я знаю, что он врет. Но делаем вид, что говорим друг другу чистейшую правду. А с Горбачевым мы расходимся по некоторым вопросам.

– По каким?

– Конечно, по политическим. С Горбачевым встречаемся не очень-то часто – он же всегда за рубежом. Михаил Сергеевич ведет активнейшую жизнь, и слава богу. Мы пару раз обсуждали сложившуюся ситуацию, но наши векторы сегодня разошлись, но мы не стали портить отношения из-за этого. Дело в том, что он безусловно поддерживает все, что происходит сегодня, а я считаю, что ни у одной политической партии не может быть безусловной поддержки. Поддержка всегда обусловлена программой и целями. Если все это не противоречит здравому смыслу, почему бы и не поддержать.

– И что же, сегодня вы никого не поддерживаете?

– Ну почему же? Я поддерживаю внешнеполитический курс президента и правительства. Но я категорически против гимна, под музыку которого убивали миллионы и миллионы людей. Честно вам скажу: просто физически не могу это слушать – меня трясет. И дело даже не в музыке, хоть «чижик-пыжик» пускай будет. Петь два разных гимна, написанных одним человеком, но противоположных друг другу по смыслу… Ответы на все мои вопросы я вижу в объявленной концепции дальнейшего развития нашей страны – сильное государство и наведение порядка. Но отчего же никто не разъяснил, что значит сильное? Сильное ракетами, армией? А может быть, сила – в свободе человека и его благополучии. Вот это уже, считаю, по-настоящему крепкое государство. Так вот и займитесь этим. Не закрывайте газеты и телеканалы, а бросьте деньги на сатирические журналы. Это – свобода.

– Получается, что и в советское время свободы не было и сейчас ее не хватает?

– Конечно! Единственный путь, который может привести к благосостоянию человека и государства, – развитие малого и среднего бизнеса. Попробуйте открыть хотя бы парикмахерскую или заводик полуфабрикатов. О-о-о! Вам на это потребуется года два и деньги, которых у вас нет. На самом деле государству вы должны просто предъявить информацию о сумме на вашем счету, а если финансов не хватает, взять кредит. И все. А что же происходит? Государство сегодня стремится только зажать все эти начинания.

– Ваши слова – укор президенту?

– Возьмите три-четыре обращения Путина к Федеральному Собранию – все прекрасно! Чисто либеральная программа. Нет ничего консервативного. Я готов подписаться под каждым его словом. Но ничего же из того, что было заявлено, не делается.

– У вас был случай высказать свое недовольство Путину?

– Мы с ним встречались. Это была доброжелательная встреча. Он прислушивался к моим советам, даже по ходу беседы по телефону делал распоряжения, следуя моим наставлениям. Я говорил, что нужно поднимать малый и средний бизнес, говорил, что спасение России – в Сибири и Дальнем Востоке. Но больше мы не встречались.

– Кроме Владимира Владимировича есть еще немало политзначимых персон. Они прислушиваются к вам?

– На эту тему есть одна притча: «не бойся тюрьмы, не бойся сумы, не бойся ни хлада, ни глада, а бойся того, кто скажет: я знаю, я знаю, как надо». Так вот, в значительной мере окружение президента все знает. Не нуждаются в советах только всесторонне недоразвитые люди.

– Значит, неспроста в последнее время слово «демократ» стало нарицательным. Как на это реагируете?

– Что же, сама демократия дала повод так думать. Мы сделали много ошибок. Конечно, необходимо было создать слой богатых людей. Но нельзя создавать условия, при которых люди могли бы получать миллиарды долларов за каких-то пять лет. Из-за этого и случаются революции.

– После Горбачева к власти пришел Ельцин. Есть вещи, за которые вы не можете его простить?

– Всего одна – он не запретил коммунистическую партию. Он мог это сделать. Фашисты должны быть только в тюрьме.

– Александр Николаевич, давайте сменим тему. 2 декабря вам исполнится 80 лет. Как собираетесь отметить столь почтенную дату? Кого пригласите на торжество?

– Во-первых, пригласил коллег из Академии наук. Во-вторых, близкое мне окружение на политической арене. Это демократы из «Яблока», СПС. В-третьих, газетчиков, с которыми у меня, слава богу, хорошие отношения. Ведь без них в свое время привести страну к свободе слова было невозможно. Обязательно позову дипломатов из посольств разных стран. Скажем, польского посла. Своих друзей из-за границы, которые, конечно, не приедут, но обидятся, если не приглашу. И Горбачева обязательно… Конечно, родные придут – жена, дети.

– Как сложилась судьба ваших детей?

– Дочка Наташка – генеральный директор маленькой типографии. Издает приличную литературу – Войновича, Сарнова. Ох не прибыльное это дело. От нее я выслушаю то, что и от жены не смогу. Хотя и послать куда подальше тоже могу. В нашей семье не выбирают слов для общения, мы всегда искренны. Мой сын Анатолий учился на философском факультете МГУ. Он оригинал. Даже не сказал нам с женой, куда решил поступать. Раньше при поступлении в вуз необходимо было заполнить анкету и прописать место работы родителей. О матери он написал правду, что работает учительницей. А про отца – что он… старший лейтенант милиции. Я когда узнал, сказал ему: «Ну неужели ты не мог придумать что-нибудь приличное?».

– Вы столько лет находились на самом верху. Правнуки, если что, обеспечены?

– Вряд ли. Взять хотя бы такой пример. Я президент фонда «Демократия», и мне приходится подписывать документы о финансовой отчетности – ничего в них не понимаю. Смотрю, как баран. Хорошо еще дочка помогает. Мы занимаемся совершенно неприбыльным делом – публикуем ранее засекреченные документы. При этом я сам ищу спонсоров. Уже издали 36 томов, из которых 8 – на деньги фонда Сороса. Сейчас заключили договор с Йельским университетом. Ну какое же может быть богатство? При советской власти было неписаное правило: отдавать гонорары куда-нибудь. Когда выходили мои книги, я пересылал деньги в Фонд мира. Дача у меня была казенная. Когда вышел на пенсию, все отобрали. Да и слава богу. Немножко получше стал жить, когда меня академиком избрали. Хоть какой-то добавочек. А так – военная пенсия, как инвалиду второй группы, и гражданская. Всего 8 тысяч рублей. 15 лет я являюсь председателем комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Найдите еще такого дурака, который аккуратно ходил бы на работу и за это ни копейки не получал…

Оксана ХИМИЧ

Александр ЯКОВЛЕВ: «Главное – не мешать работать!»

А ТЕПЕРЬ МОЕ ИНТЕРВЬЮ, КОТОРОЕ СОСТОЯЛОСЬ 9 ДЕКАБРЯ.

– Александр Николаевич! Только что прошли выборы в Думу. Результаты в чем-то сенсационны. Как вы их объясняете?

– Как шаг назад в развитии демократии.

– Одна из сенсаций: правые партии «Яблоко» и СПС оказались вне парламента. В чем, на ваш взгляд, разница между ними?

– Больших принципиальных различий между ними нет: и та и другая – за развитие демократии, свободу личности, за справедливость в правильном ее понимании. Ясно, что обе они против любых войн, против насилия. В общем, если брать основные, коренные, принципы демократического развития, они стоят на одной позиции. Другое дело, что «Яблоко» стоит за более быстрое решение социальных проблем, за снижение налогов с малоимущих слоев населения, за взимание более высокой ренты с частных компаний при разработке ими природных богатств, хотя, конечно, они не во всем согласны с тем, что говорят Глазьев, коммунисты, которые просто используют этот лозунг в любом качестве в популистских целях. Что же касается СПС, то они тоже за решение социальных проблем, но в определении путей такого решения они ближе к нашей грешной земле, учитывают обстоятельства времени, ситуации, расстановку общественных и политических сил. И те и другие – либералы и, как всегда в России, исторически слагается так, что либералы то приближаются к земным задачам, то удаляются от них. Я, например, голосовал за СПС, поскольку считаю, они ближе к жизненной практике. Еще одно различие в том, что СПС за создание богатых как бы анклавов, которые явились бы локомотивами в развитии экономики страны. Пока это получается не очень удачно. Многие из крупных бизнесменов, кого называют олигархами, а я называю топ-менеджерами, занялись накоплением денег, вместо того чтобы инвестировать их в экономический прогресс.

– А какая из этих партий более отвечает интересам России?

– «Яблоко» более увлечено социальной стороной дела, СПС же – экономикой. Интересам страны отвечало бы объединение их усилий в ходе прошедших выборов. Это большая ошибка, что такого объединения не произошло.

– Поскольку Чубайс его предлагал, а Явлинский от объединения отказался, то, выходит, последний в этой ошибке и виноват? Так?

– В общем, и те и другие…

– Оба хороши?

– Да… Надо было договариваться.

– Вернемся на несколько лет назад. Очень интересно ваше мнение как человека, стоявшего у истоков перестройки, о путче в августе 91-го. Не случись он, была бы страна сегодня ближе к демократии? Или, напротив, он спровоцировал ее приближение?

– Не случись путча, мы, конечно же, сегодня жили бы в более демократической стране. И вот почему. Тогда ее руководство четко представляло себе, что необходимо делать дальше. Как выстраивать новую страну, в какой последовательности и какие реформы проводить. А мятеж 91-го после своего поражения как льдину с крыши на головы людей обвалил новых правителей. Они ведь даже не представляли, с чего начинать, как эффективно использовать полученную власть. Объявили, что произошла революция. Это слово – «революция» – самое для меня ненавистное. Потом отказались от него. Потому что всякая революция – это тупик, как и всякое насилие. Мы же стояли за эволюционное развитие. Я по убеждениям своим эволюционист. Новая же власть взялась за революционную программу – скорей, скорей… Это неправильно.

– Был ли тогда Горбачев, говоря о своей приверженности к социализму, ленинским принципам, искренен? Или он в чем-то лукавил?

– Наполовину. Он как бы придерживался части ленинской теории, не понимая, что она тухлая. И это была игра с той частью замороченных многолетней идеологической обработкой людей, с темной толпой, придерживающейся в силу советского воспитания ленинских принципов миропонимания. Эти настроения и сейчас очень живучи в стране и, как я наблюдаю, и в вашей республике тоже. Не знаю, правильно ли это психологически или нет, но он, видимо, чувствовал, что нельзя сразу отпускать всякие привычные для страны вожжи. И старался делать это медленно, постепенно. Его ошибкой было то, что он не ввел свободу торговли. Осуществи он эту реформу, движение страны к демократии стало бы неотвратимым. И сегодня мы были бы ближе к созданию в стране гражданского общества и избежали бы многих из тех катаклизмов, которые пришлось народу пережить в последние годы. Ведь свобода торговли – мощный инструмент первоначального накопления капитала.

– Хотел ли тогда Горбачев построить в стране капитализм или он об этом не думал?

– Предполагаю, что не очень… Но ведь объективность такова, что начавшиеся реформы приводят к естественному и реальному результату независимо от того, что именно хочет или не хочет руководитель. Преобразования нарастали бы в стране как снежный ком. Государство становилось бы другим эволюционно, без революционных потрясений, от которых пострадало столько людей.

– Вы много лет занимались партийной работой, были и секретарем ЦК КПСС. Ортодоксальные коммунисты, замороченные агрессивной идеологией, считают и, вероятно, называли и называют вас предателем. Что вы отвечаете на такого рода обвинения?

– Отвечаю так: из партии вышло 18 миллионов человек. Они что – все 18 миллионов – предатели? Может, предателями своей страны здравомыслящим людям следует считать тех, кто в этой партии остался? Не буду судить. Выводы делайте сами.

– А Ленина вы считаете предателем России?

– Да, безусловно. Это был ненавистник России, настоящий русофоб, который сказал, что РСФСР – это хворост для костра мировой революции. Россия тогда называлась РСФСР.

– Что вы думаете о памятниках Ленину по всей России?

– Это позор для страны.

– Насколько, по-вашему, в эпоху Ельцина (назовем это время так) были справедливы упреки в адрес так называемой «семьи»?

– Я не думаю, что эта тема является… государственной, что ли, или общественно значимой. Это просто разменная монета для достижения различных интересов разными политическими силами.

– Вернемся в сегодняшний день. Чем вы объясняете, что при всеобщей почти уверенности в том, что президент ведет страну в нужном направлении, на теле общества не заживают вопиющие язвы? Таже коррупция и т. п.?

– В обращениях Путина к Федеральному собранию все правильно: либеральная экономическая и общественная программа. Но в той сфере, о которой вы говорите, за эти годы ничего не сделано…

– И чем вы это объясняете?

– Я не знаю. Может, тем, что уж очень много у нас нерешенных проблем, накопленных Россией еще с крепостного времени. Бывает, в сложной повседневности теряются наиболее важные проблемы. И тогда менее важные, но бросающиеся в глаза, уводят руководителей от более важных. Что происходит довольно часто.

– В этой связи не считаете ли вы, как это утверждают многие, что Путин не совсем свободен в своих действиях?

– А никто из руководителей полностью свободным быть не может. Тем более – в России, где существует большая разноголосица интересов, которая не только не уменьшилась, а еще более возросла. Потому что все в стране складывается заново. Рабочий класс – заново… Крестьянство – заново… Интеллигенция – заново… Государство – заново… И все интересы очень разные. Поэтому руководитель, разумеется, не может быть абсолютно свободен.

– Как вы думаете, захочет ли президент в дальнейшем стать более радикальным? Более кардинальным в своих преобразованиях?

– Не знаю. Пока этого не видно.

– А надежда на это есть?

– Трудно сказать. Я, по крайней мере, сомневаюсь.

– Что бы вы сказали людям, обвиняющим во всех бедах страны Чубайса?

– Это то же, что и с «семьей» Ельцина. Идейные противники выбрали наиболее острую демократическую фигуру, чтобы свалить на нее ответственность за все беды страны, выключить ее из политической жизни, развязать себе руки, самим уйти от обвинений. Это очень удобный, постоянно применяющийся ранее в Советском Союзе, а теперь и в России тактический метод, который, как показала советская практика, действует в нашей стране безотказно. Нет ничего проще, как свалить вину на другого. Очень многим это нравится. Ведь люди привыкли: в неурядицах виноваты, мол, не мы, а другие – империалисты, шпионы, антикоммунисты, лица иной национальности и т.д. Я называю такой прием социалистической реакцией…

– На преобразования?

– Да. И именно – реакцией. В том смысле, что это реакционное восприятие необходимых реформ.

– Мы говорим с вами после выборов депутатов новой Госдумы. Как вы считаете: нынешний ее состав ускорит или замедлит движение страны по пути развития демократии?

– Нынешний состав Думы будет более крикливым.

– Но он ускорит или застопорит движение страны?

– Трудно сказать, но, думаю, что застопорит.

– И последний вопрос. Банальный, но основополагающий в определении взглядов собеседника. Стань вы главой государства, каким бы сегодня был ваш первый шаг?

– Я сделал бы все для принятия комплекса законов, развязывающих инициативу людей. Главное – не мешать людям работать. Не мешать! И тогда все образуется.

* * *

Сейчас, когда до выборов президента осталось всего ничего, то, о чем говорил Александр Николаевич Яковлев, приобретает особые краски. Что касается меня, то я тоже, как мой, можно сказать, знаковый собеседник, на выборах в Думу голосовал за СПС, и буду на предстоящих выборах голосовать за Путина, потому что считаю: его программа будущего обустройства России практически идентична программе СПС. Жаль, что в своем амбициозном раже (или из-за каких-то иных второстепенных условий) лидеры Союза Правых Сил этого не поняли или этим пренебрегли. Более того: и Явлинский и Немцов в своей критике политики Путина сомкнулись, по сути, с критикой президента со стороны Зюганова. Раньше такое и в страшном сне произойти не могло. Неужели и здесь «наследила» денежная подпитка? Избиратели им такого разгильдяйства не простили. Но не беда. Хотя Александр Николаевич сомневается (вероятно, в силу пережитого им сложного политического прошлого) в ускорении и кардинальности президентских реформ, избиратели, думаю, в них верят.

Ведь ничего нет проще, как критиковать власть (как слева, так и справа), не совершая действий и не отвечая за них, и совсем другое дело – принимать государственные решения, сообразуясь с внутренней и международной политической ситуацией, и полной мерой за эти решения отвечая.

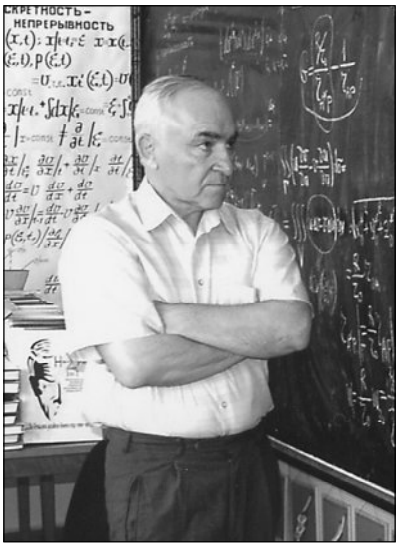
Когда накануне Нового года шел сбор вопросов Владимиру Путину, на которые он потом отвечал в прямом телеэфире, я задал ему такой: «Сумеет ли каждый гражданин России в случае переизбрания президента на второй срок ощутить наконец-то на себе и на своем окружении (а не в общих цифрах и словах), что в стране наводится законный порядок во всех сферах жизни общества?». Мой вопрос, конечно, затерялся среди сотен тысяч других. Но я почему-то верю в положительный ответ, верю, что Россия и вместе с ней Дагестан пойдут в будущее, очищаясь, возвращаясь в общечеловеческую цивилизацию.

Шамиль Алиев и копилка страны

Самой яркой приметой наступившего 2004 года в дагестанской экономике являются участившиеся объявления в прессе о наличии свободных рабочих мест, о поиске работодателями специалистов разных профессий. Отрадное явление. Вспомним недавние стенания о развале дагестанской промышленности, основу которой составляли предприятия военно-промышленного комплекса. Выходит, жив курилка. ВПК – то есть. Хотя, конечно, структура республиканской индустрии существенно изменилась. Но и ВПК тоже возьмет – и уже берет – свое. О его огромном потенциале для дагестанской экономики свидетельствует деятельность даже одного человека, которым вправе гордится наша республика. Правда, человек это необычный. Наш журнал уже рассказывал о нем. Это – Шамиль Гимбатович Алиев.

Писали о замечательном дагестанском ученом и другие издания. Но до сих пор еще ни разу, пожалуй, читающей публике не представлялась возможность в полной мере осознать масштабность его научных интересов и достижений, неоценимый вклад, совершенный им в российскую науку, оборонную промышленность страны и, следовательно, в экономику Дагестана тоже. Полнее всего этот вклад охарактеризовали российские средства массовой информации, а не наши, дагестанские, к сожалению. И в нынешнем номере журнала мы восполняем этот пробел, передавая, в частности, то, что писали к юбилею ученого (в июне прошлого года ему исполнилось 60 лет) газеты «Содружество», «Поиск», журнал «Морской вестник».

Это разные по жанру материалы: от чисто информационных до рассказа о себе самого юбиляра. Ссылаясь на эти издания, мы постарались передать содержание их публикаций в сжатом изложении.



Шамиль Гимбатович Алиев – главный конструктор САПР особого отдела КБ по подводным комплексам спецназначения, Почетный Академик Российской Академии космонавтики, доктор технических наук, профессор прикладной математики, заслуженный деятель науки и техники России, лауреат Государственной премии Российского комитета по оборонным отраслям промышленности, руководитель Центра прикладных, информационных, оборонных и стратегических технологий Республики Дагестан, советник председателя Госсовета и правительства Республики Дагестан по вопросам науки и ВПК. Он входит во внешнеполитическое агентство экс-министров иностранных дел.

Ш.Г. Алиев – автор более 200 работ, из которых монография «Фундаментальные технические комплексы. Теория аналитического проектирования» (М. Наука. 1997) не имеет аналогов в мире. Он основоположник теории аналитического проектирования. Широкий круг научных интересов позволяет ему очень быстро вникнуть в суть практически любой научной проблемы и довести ее до логического завершения.

В 1998 году он решил труднейшую проблему – «Решение задачи неустойчивости свободной вихревой пелены для малоизогнутого крыла большого удлинения», которую никому в мире не удавалось решить в течение почти ста лет. На сегодняшний день круг его интересов определяется задачами старта с больших глубин, шлюзования космических камер и проблем дозвуковой газодинамики.

Генеральный конструктор космодрома Байконур, академик В.П. Бармин писал о нем как о «восточном феномене», отмечая, что его монография и фундаментальные технокомплексы САПР на много десятилетий опережают существующие мировые достижения в этой области. Доктор физико-математических наук, профессор В.А. Лурье, с которым Ш.Г. Алиев вел совместные научные работы, отмечал, что «Шамиль Гимбатович не входит, а врывается в любую научную проблему, которая ему интересна».

Более 40 лет он работает на каспийском заводе «Дагдизель». Своими трудами внес большой вклад в развитие внутренних задач гидродинамики, стал инициатором создания первого в России центра базы теоретических знаний по торпедному оружию, в котором сосредоточено более тысячи задач, возникших в ходе выпуска продукции. Сегодня дагестанский ученый – один из главных теоретиков развития торпедного оружия в России, который достиг крупных научных результатов в этой области. Особо заинтересован в работе его лаборатории ВМФ России. То, что уцелел единственный головной завод страны в Каспийске, во многом – его заслуга.

В 1975 году наш земляк нашел точное решение задачи внезапного расширения газа в докритическом режиме. Эта работа сразу привлекла внимание специалистов авиакосмической техники и была использована, в частности, при создании оригинальных разработок для космических шлюзовых камер, высотного оборудования самолетов, способов всплытия с больших океанских глубин.

Дальнейшие исследования дагестанца были связаны с запуском технических комплексов с больших глубин. Решенные им проблемы конструирования газодинамического потока с разрывами по длине и внедрения полученных результатов в практику позволили создать стартовую установку для подводных ракет, вдвое сократить время их запуска. Ему присуждены золотые медали им. Циолковского, Келдыша и Бармина. Он – автор признанных в мире трудов: помимо уже названной монографии, это «Низкочастотное звукоизлучение развитых кавитационных тече-

ний» (М. Наука. 2000), «Торпедное оружие» в 3-х томах (М. Наука. 2002) и др. Одновременно он является сопредседателем Международного форума «Мир против войны» (Москва) и председателем Правления Института прикладных программ и моделей при Ассоциации содействия Международному центру научной лаборатории – Всемирной лаборатории.

В сферу интересов многогранного ученого и общественного деятеля входят также вопросы развития глобальных информационных систем, сохранения национального культурного наследия, интеллектуального и духовного развития подрастающего поколения.

ВОТ ЧТО РАСКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ САМ ШАМИЛЬ ГИМБАТОВИЧ:

– В моем понимании научная карьера – это полнокровная работа, когда есть цели и инструментарий. У меня она складывалась из решения конкретных проблем кораблестроения. Это модели программы, алгоритмы, испытания, внедрения и новые разработки. В космонавтике – стартовые установки, а также системы спасения с больших глубин. Мне кажется, при интенсивной и целенаправленной работе удачная карьера будет сама преследовать автора. Государственную премию, например, я получил за разработку оптимизационно-вычислительного алгоритма в проектировании сложных подводных технических комплексов.

Но это ли предмет моей особой гордости? Все относительно. Даже собственное мнение в этом плане со временем меняется. С точки зрения внутреннего удовлетворения – это решение задачи поведения потока за крылом конечного размаха. С точки зрения внешнего восприятия – это комплекс математических моделей, сокращающих срок проектирования торпед или ракет почти на порядок.

Прежде я был довольно «засекреченным» человеком. Первая совершенно секретная работа была связана с проектированием первого в СССР авианосца, потом была задача использования космических камер в космосе и под водой. Эти секреты, как и все секреты вообще, со временем рассекречиваются, но в итоге появляются новые. Словом, тогда были одни секреты, сейчас – другие. Меняются, как мы знаем, даже авторитеты. Но так получилось, что самое сильное впечатление на меня оказали и продолжают оказывать труды тех, кого давно уже нет. Я, можно сказать, «отравлен» древностью, приверженностью к прежним эпохам и цивилизациям. Не покидает ощущение причастности к ушедшим поколениям. Из ученых восторгался Барминым, Зельдовичем. Поразительно глубокое влияние оказал на меня отец. Мне кажется, он мог бы быть мэтром аварской лингвистической живописи.

Вообще, сила личности, на мой взгляд, в качестве ее свечения. Как и «уровень цивилизации определяется числами, которые применяют», – утверждают философы. На мой взгляд, пристрастие к звучанию на первом этапе определяется просто любовью к числовым полям. На втором этапе – погружение в распределение чисел (простых) уводит исследователя в непостижимые глубины мироздания. Гений из Индии Романужан утверждал, что каждое число – его друг. Мое отношение к числам настолько трепетное, что систематически и последовательно еще не сумел его сформулировать. Идет процесс восторга, можно сказать, – это постоянное потрясение. В физике меня волнует идея вращения, в технике – старт, в математике – ее физикализация, мера и категория. А волнение – это погружение и взлет. Но первично, все-таки, погружение. Волнение для меня – способ жизни, некая фильтрация души. В беседах, в выступлениях перед аудиториями оно затрачивается полностью. Развитие идей и волнений носит циклический характер, именно поэтому они в какой-то степени спасают наши души.

Ощущаю в себе непонятные импульсы. Например, широкая, искренняя улыбка – детская, женская – просто парализует. Меня очень легко «купить» на эту улыбку. А еще очень трогает улыбка старика, не такая яркая, на первый взгляд, но очень насыщенная изнутри, и как бы с оттенком непреходящей, непонятной вины. Среди моих друзей много художников – и я мечтаю с ними о фотовыставке, на которой не будет ничего, кроме улыбок – открытых, честных, добрых, дежурных, дипломатичных, хитрых и даже злорадных, провокационных. Было бы здорово исследовать это многообразие, погрузиться в него… Ведь улыбка – это зеркало человеческой души.. .

Вот межличностные конфликты… Мне близка идеология отстаивания своих идей, интересов с полной отдачей энергии и импульсов. Однако я категорически против затягивания баталий, тяжб. Что только не ставилось в моей жизни под удар... И, тем не менее, думаю, что почти всегда с противной стороной можно найти согласие. Необходимо только, чтобы та, другая, сторона не была контужена «комсомольским умом», точнее – не работала прежде в обкомах. В философии для меня доста точен вывод древних. Суть его в том, что философия развития – это жесткая и даже жестокая борьба. Миром все-таки движет не согласие, а скорее – разногласие. Один древний философ, хотя и вульгарно, но очень точно определил, что согласие – это философия легкомысленных девиц или же чиновников, делающих глупости собственным энтузиазмом.

Один из самых злободневных вопросов цивилизации – степень моральности и аморальности людей, которые разрабатывают и совершенствуют новые виды оружия. Скорость, с которой развиваются техника, вооружение и энерговооруженность мира, гораздо выше скорости нашего понимания происходящего. В этом суть трагедии, ее аморальность. С другой стороны, глубина понимания вопроса и адекватность принимаемых мер подчеркивают Величие Духа Человека. Думаю, не случайно, двойственность личностей, занимающихся военной наукой, становится сегодня предметом изучения философии и психоанализа.

Следует заметить в этой связи, что человек творчества всегда хочет быть свободным. Но раньше свобода носила убийственный характер, поскольку ее не с кем было делить. А сегодня, в полупросвещенной среде, по-настоящему свободный человек выглядит как туземец. Вообще, истинная свобода, видимо, существует только в наших мечтаниях и на небесах. Я не преувеличиваю людские недостатки, но охотно преувеличиваю их достоинства. По душе же больше «война» с самим собой, война, доходящая порой до «дуэли». В отношениях с другими людьми меня волнует то, что сближает, остальное мне просто не интересно. В отношениях же с самим собой я в двойственной роли. Секундантом почти всегда бывает идея, и притом очень абстрактная. В реальности – это битва между «быть» и «выглядеть». Напряженность такого бытия я измеряю в километрах размышлений. Цицерон изрек: «Жизнь коротка, но слава может быть вечной!». В молодости жизнь и слава часто существуют раздельно, хотя могут находиться в одной судьбе. Со временем, если жизнь наполнена делом и правильно организована, то это уже высшая форма жизни, от которой слава вообще не уйдет.

Кстати, отдыха в форме отпусков у меня не было никогда. Этот вид «деятельности» я просто не постиг. Но досуг очень разнообразный – поэзия, музыка, философия. Во мне продолжают упорную войну и Рембрандт, и Тициан в диалоге: как жить и как творить…

Недавно в издательстве «Наука» вышел трехтомник «Торпедное оружие». Его авторы – известные специалисты в области создания противолодочного оружия Ш. Алиев, Ю. Баженов, К. Борисенко и М. Кузьмицкий. В предисловии к этой монографии главнокомандующий ВМФ РФ адмирал В. Куроедов отмечает, что, не умаляя заслуг других авторов книги, ему хотелось бы выделить особую роль в ее создании Шамиля Гимбатовича Алиева – главного конструктора систем автоматизированного проектирования противолодочных торпед ОКБ каспийского завода «Дагдизель», одного из самых авторитетных специалистов в области развития торпедного оружия и единственного в стране доктора технических наук по специальности «Военная техника и вооружение ВМФ».

ВОТ ЧТО О ТОРПЕДНОМ ОРУЖИИ РАССКАЗЫВАЕТ ДАГЕСТАНСКИЙ УЧЕНЫЙ:

– Современная торпеда – это сконцентрированное воплощение передовых научных идей, новейших материалов, источников энергии, технологий и теоретических разработок. Россия в 1960-1980-е годы занимала передовые позиции в мировом торпедостроении и не должна растерять накопленный богатый научный и производственный потенциал в этой области.

Сегодня обострилась конкурентная борьба за доступ к природным ресурсам, в том числе и находящимся на морских и океанских глубинах. Контроль над этими стратегически важными регионами может обеспечить только военно-морской флот. Поэтому в ближайшие годы следует ожидать его бурного развития с возрастающей ролью подводных лодок, оснащенных современным торпедным вооружением. Но чтобы быть на уровне стратегических задач, стоящих перед ВМФ, наша страна должна иметь современную торпедострои-тельную отрасль, обеспечивающую эффективное взаимодействие отраслевых, академических институтов, соответствующих КБ, вычислительных центров, полигонов опытного и серийного производства.

Распространению торпед на различных флотах способствовала их значительная роль в ряде войн конца XIX века. В Первую мировую войну участвовавшими в ней государствами было выпущено 15000 торпед. Из 498 потопленных в ней надводных кораблей от торпед погибло 154 (около 30%, и это несмотря на недооценку торпедного оружия в тот период!). Во время Второй мировой войны оно уже применялось на всех театрах военных действий всеми видами носителей – подводными лодками, морской авиацией, надводными кораблями и торпедными катерами. Советским военным флотом в годы Великой Отечественной войны уничтожено 35% боевых кораблей и 56% транспортных судов противника. За годы второй мировой войны торпеды стали одним из основных видов морского оружия.

После войны в мировом кораблестроении (особенно в подводном) главным стало внедрение ядерной энергетики. Атомные силовые установки дают возможность подводным лодкам неограниченно долгое время находиться в подводном положении и развивать под водой высокую скорость. Тем не менее, торпедное оружие остается главным средством борьбы с ними. А в северных широтах, под полярными льдами, оно и единственное средство для ведения морского боя. Эксперты прогнозируют, что в XXI веке характер боевых действий на океанских просторах значительно изменится. Боевые действия на море переместятся в основном в подводную область. Если суждения экспертов оправдаются, и война на море действительно станет в основном подводной, это еще более усилит роль торпедного оружия.

Современное торпедное оружие – дорогое удовольствие. Тем не менее, опыт российских торпедостроителей позволяет нам (если будет обеспечено хотя бы минимальное финансирование) создавать оружие новых поколений, которое позволит надежно защищать интересы России на морских и океанских просторах. Кроме того, мировой рынок торпедного оружия – это порядка 30 миллиардов долларов в год. И наша страна вполне может иметь на нем свою, причем очень значительную, нишу. Ведь уже сейчас наше торпедное оружие активно закупают Китай, Индия, Иран, Куба, Югославия, Польша, Алжир, Румыния, Вьетнам, Ливия, КНДР, Сирия, Албания и другие страны.

Такова духовная самостоятельность академика Алиева. Его ярко выраженные способности исследователя гармонично сочетаются с принципиальностью, которой он всегда отличается как практик, теоретик, ученый… как Человек. Вот тому еще одно свидетельство.

В канун мусульманского праздника «Ураза-Байрам» после пятничного намаза под куполом Северо-Кавказского Исламского института, что напротив центральной мечети в Махачкале, прошла встреча студентов этого института с Шамилем Алиевым. Она была организована научно-исследовательским институтом «Исламская медицина» и представляла собой по сути заседание Ученого совета этого института. Была озвучена и основная цель НИИ, которая состоит в сборе и распространении доказательств существования Бога посредством исследования физиологических и анатомических особенностей человеческого организма. Основным докладчиком был Шамиль Гимбатович.

Как свидетельствует присутствовавший на конференции журналист Х. Курбанов, академик начал свою речь с весьма неожиданного замечания о том, что многие российские ученые аттестованы незаслуженно. Замечание это вызвало улыбки и прокатившийся по рядам легкий шумок. А далее Шамиль Алиев затронул такие философские глубины, что воспринять их студентам было довольно трудно. На его взгляд, человеческое знание беспредельно, но законченной абсолютной истины не существует, есть только бесконечное стремление к ней. Мы до сих пор не знаем ни того, что такое Время, ни того, что такое Пространство. И ученый считает, что человеческое сознание далеко не единственное и, уж тем более, не самое совершенное во Вселенной.

Академик выстроил пирамиду познания, основой которой должна быть Вера. Второй уровень познания он назвал Аскетизмом, затем к человеку должна прийти Мудрость, за которой последует Просвещенность, которая открывает путь чистому Духу. «Только трансцендентный, иррациональный разум является высокопробным», – утверждал ученый перед безмолвно внимавшей ему аудиторией.

Шамиль Алиев затронул темы и более близкие слушателям, собравшимся в стенах исламского вуза. «Неверие есть ограниченность ума, – сказал он. – Мне жаль неверующих за их безверие, но жаль и верующих, что им приходится жить среди них». Общество, на его взгляд, еще не доросло до обсуждения на серьезном научном уровне темы о существовании Бога.

Нельзя не добавить, что много времени ученый уделяет общению со школьниками, среди которых есть его личные стипендиаты. Поиск талантов он ведет в самых различных областях знаний и творческой деятельности. Нельзя не удивляться широте и глубине его исследований в сферах, несвойственных вроде приверженцу точных наук, погруженному в беспредельный мир математики, физики, химии и многих других дисциплин, лежащих на их стыке. Но Шамиль Алиев исследует прозу Льва Толстого, стремясь с позиций современного ученого объяснить феномен ее магического влияния на читателя, скажем, повести «Хаджи-Мурат». Столь же пристальному его вниманию подвергается вдруг народная музыка… Впрочем, стараться очертить его вклад в интеллектуальную (а опосредственно – и в материальную) копилку страны и нашей республики вряд ли возможно. Вклад этот бесконечен…

Салихат ГАМЗАТОВА,
директор ДМИИ
им. П.С. Гамзатовой

Звонкое имя – Манаба...

В прошлом году исполнилось 75 лет Манабе Омаровне Магомедовой. Тогда, в декабре, ей было присвоено высокое звание «Заслуженный художник России». А до этого, в марте, Дагестанский музей изобразительных искусств им. П. С. Гамзатовой отметил ее юбилей открытием семейной выставки: работ ее и Кадыра и Лейлы Изабакаровых. Она длилась до середины июля. Восхищение ее удивительным мастерством тогда выражалось в дагестанской прессе. Я же сейчас хочу дополнить рассказ о замечательном дагестанском мастере.

Манаба Омаровна переехала в Махачкалу из Грузии в 2000 году. Хорошо ли знает замечательную дагестанскую художницу новое поколение дагестанцев?

Она родилась 5 ноября 1928 года в Кубачи, и уже семилетней девочкой переехала в Тбилиси, который стал ее второй родиной, но связи с Дагестаном она никогда не теряла. Прекрасные работы Манабы Магомедовой хранятся в Тбилиси – в Национальной картинной галерее Грузии, в Государственном историко-этнографическом музее им. И. Гришашвили, в Государственном музее народного и прикладного искусства Грузии; в Москве – в Государственном историческом музее и в Государственном музее искусств народов Востока, в Оружейной палате; в Германии – в Нюрнберге, в музее А. Дюрера; в Чехии – в г. Яблонце, в Музее бижутерии; в Бирме – в Музее декоративно-прикладного искусства; в Венгрии – в Музее Шандора Петефи и Музее Ференца Листа; в Турции – в галерее Чукурджума. А у нас они, конечно же, в Дагестанском музее изобразительных искусств им. П.Гамзатовой.

Отличительное свойство художницы – постоянный поиск. Она экспериментирует с разной техникой: гравировкой, чернением, сканью, эмалью, финифтью. В разнообразные ювелирные украшения – браслеты, подвески, кулоны, кольца – она вносит и традиционные элементы, и что-то свое, неповторимое и оригинальное, свойственное только ей. Стремясь воплотить художественную идею, Манаба Магомедова зачастую находит и совершенно новую технику, изобретает что-то совершенно оригинальное, что никогда до нее не делалось. Например, удивительная работа «Созвездие Льва Толстого» представляет собой ромбовидную пластину, на которой тончайшими серебряными нитями изображено лицо Льва Толстого, на нитях напаяна зернь и вся поверхность залита прозрачной эмалью. Серебряные нити и зернь в результате покрытия эмалью расплавлены, и кажется, что на темном фоне действительно разбросаны звезды, соединенные тонкими нитями, образующими портрет великого писателя.

Необыкновенно красив гарнитур с возвышенным названием «Любовь», состоящий из кулона, кольца, броши и браслета (чернь, эмаль и финифть). Стремясь подчеркнуть художественный образ произведения, автор изображает прекрасных сказочных птиц из цветной эмали на серебряном фоне, сплошь покрытом чернением. Эмаль на чернении – совершенно новый прием в ювелирном искусстве.

Творческие новации художницы не всегда находили понимание. В 1960 году Манаба сделала серебряный набор для ликера «Птица», в котором, используя элементы традиционного кубачинского орнамента, создала свой, совершенно новый, его вариант. Однако эксперимент художницы не был оценен. Художественные советы в Грузии и в Дагестане, осуществлявшие отбор произведений на выставки, не приняли это произведение как несоответствующее традициям. Я с гордостью узнала, что именно моя мама, тогда еще совсем молодой директор музея, верно поняла, что художник имеет право на собственный почерк, и купила эту работу. Набор «Птица» побывал на многочисленных выставках музея и на территории бывшего Советского Союза, и за рубежом, всегда вызывая неизменный интерес публики.

Отдельная область творчества художницы – оформление книг. С гордостью могу говорить о прекрасных работах, выполненных для обложек книг Р. Гамзатова. Маленькие (5х7) подарочные издания книги «Письмена» в серебряном оформлении Манабы Магомедовой превращаются в удивительные драгоценности, соединяющие в себе и нематериальную ценность книги, и изысканную роскошь оформления.

Необыкновенно красивы работы Манабы Омаровны в технике эмали. В ней Манаба является преемницей грузинской культуры. В начале 1960-х годов в Государственном музее изобразительных искусств Грузии она реставрировала чеканные оклады икон, а также некоторые фрагменты знаменитой грузинской иконы XII века – Хахульского триптиха, состоящего из 115 эмалевых миниатюр. С особой признательностью Манаба отзывается о хранителе фондов музея Иродионе Сонгулашвили, посвятившем ее в таинство искусства древних мас-

теров. Техника эмали распространена и в Дагестане, но появилась у нас она только на рубеже XIX–XX веков, и красочный слой эмали делался очень тонким. Грузинские мастера делали эмалевый слой значительно выше – 3-4 мм, что создавало существенно более яркую и насыщенную цветовую гамму.

Обложка «Моего Дагестана» переливается изысканной гаммой синей и голубой эмали и завораживает красотой линий горских саклей, уходящих в бескрайнее небо. Великолепно выполнена обложка книги Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» – изящный тур со склоненной головой и ветвистыми рогами – восхищающая тонкостью рисунка и красотой колористической гаммы.

Две работы посвятила Манаба классику грузинской литературы, одному из крупнейших грузинских поэтов Николаю Бараташвили, который был интеллектуальным и духовным знаменосцем Грузии первой половины XIX века. Его культурное наследие вошло в духовную сокровищницу грузинского народа и составляет его национальную гордость. Он умер в возрасте всего 27 лет почти в полной нищете. При жизни ни одно его стихотворение не было опубликовано, его произведения были напечатаны только спустя семь лет после его смерти. И все-таки именно он является самым значительным, после Шота Руставели, поэтом Грузии. Одно из самых знаменитых его стихотворений, вершина его творчества – «Мерани» («Пегас»). В нем поэт говорит о своем желании умчаться, покинуть ненавистный ему мир. Манаба сделала книгу, в которой на серебряных пластинках, как на листах, выгравировала строки «Мерани». А на обложке в технике эмали она поместила изображение несущегося над горами на крылатом коне юноши и летящих следом за ним воронов – символов страданий и бед, которые преследовали поэта. В языке своих художественных произведений Манаба всегда стремится к символике. Напряженно-интенсивная цветовая палитра обложки, состоящая из ярких контрастных цветов – синего, красного, желтого, черного и серого (тело коня и плащ всадника) как нельзя лучше передают напряженный, страстный, трагический дух стихотворения.

Вторая работа – обложка печатной книги «Мерани» – представляет собой серебряный оклад, на лицевой стороне которой художница поместила летящего над горами Мерани. Цветовая гамма этой картины более гармонична и возвышена: синее небо, черные, коричневые, серые горы и вознесенный над ними Мерани. Обложка разделена на две части. В нижней части – Манаба рисует картину гор и тумана над ними, выполненных в технике зерни и чеканки, а в правом верхнем углу помещает каст с голубой бирюзой – звезду. Туман над горами по замыслу художницы символизирует трудности, неопределенность жизни Бараташвили, а звезда – символ надежды. И все же, думается мне, символика этой работы может быть понята шире – это неопределенность и надежды, которые свойственны жизни не только этого поэта, но и человека вообще. Манаба Омаровна сделала так много прекрасных окладов для книг, что Расул Гамзатов, мой папа, шутил: «Манаба, ты сделала столько книг, что пора вступать в Союз писателей».

Великолепной эмалью украшено небольшое серебряное блюдо «Жеребенок», выполненное Манабой Магомедовой в 1957 году, оно хранится в частной коллекции, владелец которой любезно передал его для экспонирования на прошедшей выставке. Оно имеет восьмилепестковую форму, боковые стороны украшены волнообразным, повторяющим форму лепестков, орнаментом на серебре, а в центре на синем эмалевом фоне скачет прекрасный изящный голубой жеребенок, стилизованный, и в то же время своей грациозностью и одновременно трогательной неуклюжестью очень узнаваемый и реалистичный. Все произведение в целом чарует необыкновенным сочетанием цветной эмали и матовым блеском серебра. Очень символично и название работы – оно словно знаменует начало – начало творческого пути замечательного мастера, и начало какого-то прекрасного явления вообще. Именно поэтому эту работу мы выбрали на афишу, представляющую выставку нашей замечательной соотечественницы.

Декоративные блюда, посвященные выдающимся людям или темам, – особая область творчества Манабы. Большинство из них выполнено ею в соавторстве с супругом, Кадыром Изабакаровым, и дочерью Лейлой. Многие из них хранятся в самых престижных музеях Грузии и России. В Государственном музее Дружбы народов в Тбилиси – блюдо, посвященное 275-летию со дня рождения Давида Гурамишвили, в Национальной картинной галерее Грузии – «Голуби мира», в Музее народов Востока в Москве – блюдо «Материнство». Прекрасные работы посвятили Манаба Магомедова и Кадыр Изабакаров памяти Д. Какабадзе – декоративное блюдо «Мир художника» и блюдо «Художник и природа» – памяти Е. Ахвледиани. Одно из лучших, на мой взгляд, произведений в этом жанре – блюдо, посвященное Узеиру Гаджибекову, знаменитому азербайджанскому композитору, чье имя присвоено азербайджанской консерватории, автору опер «Лейли и Меджнун» и «Кероглы». Оно экспонировалось в нашем музее. Блюдо имеет шестигранную углубленную форму. Внутренняя его часть (зеркало) покрыта изысканным узором из скани, а в центре на эмали изображены герои двух прославленных одноименных опер У. Гаджибекова. Вокруг героев из серебряных нитей воспроизведены фрагменты нот из обоих произведений. Герои, по замыслу Манабы, находятся в райском саду, и мотив райского сада в виде эмалевых кипарисов изображен на стыках шести граней блюда.

Из работ последних лет Манаба Магомедова выделяет как лучшую блюдо, посвященное 80-летию Расула Гамзатова. В центре его изображена в эмали миниатюрная книга «Письмена», вокруг которой расположены выполненные в технике гравировки с чернью декоративные столбы как символы аварского дома. Между ними художница поместила пять серебряных с гравировкой чернью медальонов, отображающих главные темы творчества поэта: Дагестан, любовь, память о павших (журавли), поэзия, родители и очаг.

Говоря о работах художницы, обязательно касаешься творческих истоков ее мастерства. Примечателен факт, говорящий об отношении к Манабе Магомедовой в Грузии. Когда в республику должен был приехать генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выполнить для

него памятный подарок поручили именно Манабе Магомедовой и Кадыру Изабакарову. В кратчайшие сроки, всего за одну неделю, они изготовили шашку (гравировка с чернью, эмаль).

Сама художница ощущает себя наследницей трех культур. Эту идею она воплотила в декоративном блюде «Моим учителям» (серебро, чернь), находящемся в собрании ДМИИ им. П. С. Гамзатовой. Блюдо разделено на три части, каждая из которых украшена в традициях, родственных художнице культур. В одной Манаба изображает родной аул и декорирует его кубачинским орнаментом, в другой – грузинскую церковь и грузинский орнамент, в третьей – русский храм и, соответственно, русский орнамент. В каждой из этих частей художница помещает на фоне орнамента портреты людей, сыгравших наибольшую роль в ее творческом становлении. Федора Яковлевича Мишукова, профессора Строгановского училища, кубачинского мастера Абдулжалила Ибрагимова, своего наставника и близкого друга ее отца, который первым обратил внимание на ее талант, и обобщенный образ Ладо Гудиашвили и Давида Цицишвили, талантливого грузинского художника и выдающегося этнографа. Она и сегодня с благодарностью вспоминает мудрые советы и уроки кубачинских мастеров, таких как Абдулжалил Ибрагимов, Гаджи Кишев, Гаджи-Бахмуд Магомедов, Расул Алиханов, которые помогали в становлении ее как мастера. В творческом росте Манабы большую роль сыграли и известные грузинские художники Елена Ахвледиани, Кетеван Магалашвили (близкий друг Халилбека Мусаева, о котором впервые Манаба узнала от нее, и получила в дар две его работы, которые потом передала нашему музею), Давид Цицишвили, известный искусствовед Рене Шмеллинг (по совету которой Манаба написала книгу о себе и о быте и искусстве села Кубачи «Я – кубачинка»).

Важная веха в жизни Манабы Магомедовой – знакомство со знаменитым грузинским художником Ладо Гудиашвили, которое состоялось в 1958 году. Л. Гудиашвили был признанным грузинским художником, ректором Грузинской академии художеств, но в 1948 году за то, что он расписал церковь Кашвети в Тбилиси, Гудиашвили подвергся настоящей травле, был снят с работы, его произведения не выставлялись, многие друзья боялись с ним общаться. Только в 1958 году, в связи с большим интересом к его творчеству на Западе, была организована его выставка, которую однако в день открытия решено было отменить, но собравшийся народ стихийно хлынул в залы – и так состоялось ее открытие. Манаба Магомедова, попавшая вместе с людским потоком в залы, впервые тогда увидела работы легендарного художника. Как она рассказывает, после стольких выставок советского периода, на которых выставлялись портреты сельских тружениц, доярок, колхозниц, мир сказочных красавиц, цариц, изысканных зверей поражал своей красотой. Она никогда прежде не видела ничего подобного.

Ладо Гудиашвили, которому прямо перед открытием в галерее сообщили, что выставку решено закрыть, и который еще не знал, что благодаря людскому напору она все-таки состоится, испытал сильнейший стресс и в тяжелом состоянии был доставлен домой. Туда, к больному художнику, пришла выразить свое восхищение его работами Манаба. Так состоялось их знакомство, которое переросло в долгую дружбу.

Ладо Гудиашвили она посвятила ряд работ. На декоративной пластине «Жизнь художника» (1977 г.) в аллегорической форме запечатлено становление великого мастера. На серебряной пластине в технике чернения изображено с правой стороны дубовое дерево, в пышной кроне которого показано его лицо и в фас и в профиль. Такое необычное изображение лица сразу в двух ракурсах по замыслу Манабы символизирует то, что он стал могучим, не сломившимся человеком. Рядом с деревом в виде хищных зверей и мелких насекомых изображены те, кто травил художника. А на левой стороне Манаба изображает портрет прекрасной девушки, воспроизведя в металле известную работу Л. Гудиашвили «Улыбка фрески». По бокам пластины напаянными крученими нитями изображены стилизованные фигуры ланей и птиц – любимые образы картин Л. Гудиашвили.

С его же именем связана другая интересная работа Манабы Магомедовой – ее автопортрет. В начале 70-х годов Манаба Магомедова подверглась ложным обвинениям в нелюбви к Грузии со стороны некоторых коллег. Она решила посоветоваться с Ладо Гудиашвили. Художник, который тогда уже считался признанным гением грузинского искусства, сказал ей: «Манаба, меня даже называли “Гитлером в искусстве”. Эти люди хотят, чтобы ты не работала. Продолжай свое дело, и это будет твоим ответом». Тогда Манаба сделала на небольшой серебряной пластине эмалевую композицию, которую назвала «Автопортрет». В центре в виде маленькой птицы она изобразила себя, а рядом в виде злобных лиц и чудовищ тех, кто травит ее.

Другая работа, посвященная художнику – блюдо «Ладо Гудиашвили», выполнена в соавторстве с К. Изабакаровым в 1981 году. Почти всю площадь блюда занимает шестилепестковая розетка с большим медальоном в центре и шестью медальонами вокруг него. Розетка ограничена по краям орнаментом из скани, в который вплетены фигуры ланей и птиц. На медальонах Манаба изображает фрагменты работ Л. Гудиашвили, знаменующие, по ее мнению, самые важные этапы жизни художника. На двух медальонах изображены: портрет прелестной молодой девушки с одной из самых знаменитых работ художника «Улыбка фрески», созданной им в период расцвета творчества, и юноша с тарелкой рыбы в руке, кинто, – фрагмент картины «Цоцхали». «Кинто» – это грузинские артисты, шуты, непременные участники всяческих застолий и празднеств в Грузии, типа ряженых в России или шутов. Обычно они приходят на праздники с тарелкой с живой рыбой «цоцхали», которая водится только в Куре. Образ кинто символизирует юность художника. На другом медальоне Манаба изображает лицо мужчины, часть головы у которого отсутствует – это изображение взято Манабой со знаменитого автопортрета Гудиашвили, на котором лицо человека уничтожают семь обезьян: одна вытаскивает его язык, другая вырывает глаза, третья зажи-

На фото: сидят (слева направо) Расул Гамзатов, Патимат Гамзатова, Ладо Гудиашвили, Манаба Магомедова; стоят (слева направо) Карло Каладзе, Давид Чичинадзе, Нино Гудиашвили, Реваз Маргиани

мает уши, четвертая ломает череп и т. д. Такой символикой художник передал свое состояние в период травли 1948-58 гг. На других медальонах Манаба изображает портреты людей, с которыми Гудиашвили был дружен: Бориса Пастернака, Чарли Чаплина, с которым Гудиашвили встречался в 20-е гг. в Париже, портрет Нико Пиросмани, одного из его любимейших художников. На центральном медальоне художница изобразила портрет самого Гудиашвили в трех ракурсах, окруженный фигурами ланей и птиц, выражая ту же мысль, что и на декоративной пластине: художник – не сломившийся человек, создавший прекрасный мир своих образов и живущий рядом с ними. Все изображения на медальонах выполнены, в основном, черной эмалью, и только центральный и некоторые детали боковых – цветной.

Так же высоко ценит Манаба роль русской культуры и России в своем творческом становлении. Общение с директором Государственного Эрмитажа – Борисом Пиотровским и с зав. отделом прикладного искусства Камилой Тревер, с зав. отделом драгметаллов Государственного исторического музея, автором фундаментальной книги «Русское золотое и серебряное дело» Мариной Постниковой, возможность познакомиться с богатейшими коллекциями декоративно-прикладного искусства из запасников этих музеев, реставрация ряда экспонатов из этих собраний, включающих произведения мировой художественной значимости, совершенствование техники обработки металла в Высшем художественно-промышленном училище – все это, несомненно, сыграло значительную роль в творческом становлении Манабы.

Говоря о творчестве Манабы Магомедовой, нельзя не сказать самые добрые слова в адрес Ахмеда Захарова и Дагестанской сотовой связи, профинансировавших издание прекрасного красочного альбома репродукций работ Манабы Магомедовой. Стоит ли говорить, что иметь работы художницы в доме – привилегия и роскошь, доступная единицам. Благодаря изданию этого альбома, вещи Манабы Магомедовой, пусть даже в виде иллюстраций, входят в наш дом, в дом дагестанцев. Я неоднократно писала, как часто люди, уезжающие за пределы Дагестана, приходят в музей и просят хоть какой-нибудь материал по культуре Дагестана, и порой им даже нечего предложить, потому что красочно оформленные книги по искусству Дагестана давно стали библиографической редкостью. Выход великолепного альбома репродукций произведений Манабы Магомедовой, Кадыра Изабакарова и Лейлы Изабакаровой – роскошный подарок дагестанцам. Это и прекрасная книга в доме, и повод еще раз продемонстрировать великолепные произведения дагестанской художницы, и кубачинцам с гордостью подчеркнуть, что она – кубачинка, и дагестанцам, что она – дагестанка. Как хорошо, когда принадлежностью к семье, к аулу, к республике, можно гордиться, расширяя эти рамки все дальше и дальше. Манаба Магомедова – именно такой человек. Грузины гордятся тем, что она впитала их культуру, дагестанцы – тем, что она принадлежит Дагестану. Неоднократно Манаба Магомедова представляла на международных выставках Россию.

Думая о феномене художницы, о ее прекрасных работах, о значении прошедшей выставки, вспоминаю полное грустной сатиры выступление «Махачкалинских бродяг» в КВНе: «Махачкалинские новости: прилетел, улетел, подписал указ, украли, убили, ограбили. А теперь подробности…» Как это во многом верно отражает нашу недавнюю действительность. И как это хорошо, что есть прекрасный мастер, который творит прекрасные произведения, которые хранятся в лучших музеях нашей страны и за ее пределами.

Говорить и писать о работах Манабы Магомедовой можно бесконечно долго и все же невозможно рассказать о всех работах, заслуживающих внимания, даже в рамках прошедшей в нашем музее выставки. Ее творчество – тема не статьи, а целой монографии.

Выставка Манабы Магомедовой стала важным общественно значимым событием в культурной жизни республики. Мы очень сожалеем, что не можем предоставить работам Манабы Омаровны отдельной площади для постоянной экспозиции, хотя часть ее произведений обязательно выставляется в разделе ювелирного искусства. Мы гордимся, что встреча дагестанцев с искусством нашей прославленной художницы произошла в стенах нашего музея. Мы очень рады тому, что в декабре 2003 года Народному художнику Дагестана и Грузии Манабе Омаровне Магомедовой было присвоено звание «Заслуженный художник России». Весь коллектив музея поздравляет Манабу Омаровну с присвоением ей этого высокого и заслуженного звания, и желает ей здоровья, творческого долголетия и всего того, что включает эта прекрасная женщина в понятие «счастье».

Юлия ЗАЧЕСОВА

Молодое полпредство республики

На фото: Юлия Зачесова и Татьяна Бек

Потребность в общении явилась толчком для создания литературного кружка молодых дагестанских поэтов и прозаиков. Назвали его «Верба». Собираются молодые литераторы регулярно – каждую неделю. Но хочется продолжить творческое общение с коллегами и из других регионов страны. В октябре прошлого года в Москве прошло два крупных события, значимых для творческой молодежи. В них приняли участие и начинающие литераторы из нашей республики.

Восьмой год подряд Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина проводит Международный пушкинский молодежный фестиваль искусств «С веком наравне». В нем могут принять участие по номинациям «поэзия», «самодеятельное актерское мастерство», «самодеятельное музыкальное мастерство (танцы, вокал)», «критика и литературоведение» те, кому нет еще 31 года.

По результатам предварительного творческого конкурса лауреатами и дипломантами фестиваля в номинации «поэзия» были признаны дагестанские участники Мадина Хуршилова, Мария Алешечкина, Мариям Кабашилова и автор этих строк. Наша поездка на фестивальные торжества в Москву стала возможной благодаря финансовой поддержке ОАО «Дагэнерго», за что мы признательны его генеральному директору Г.М. Гамзатову. А в историко-литературоведческом «круглом столе» фестиваля участвовала студентка 2 курса отделения журналистики филфака ДГУ Анна Жужлева, чей доклад, посвященный пушкинской «Полтаве», был отмечен жюри на предварительном творческом конкурсе.

Программа пушкинского фестиваля была очень интересной. Молодые поэты читали свои стихи в поэтическом мастер-классе под руководством Е.С. Калугиной, проводились экскурсии в музей-усадьбу Ф.И. Тютчева «Мураново» и по Золотому кольцу – в старинные русские города Владимир и Суздаль, в московский музей «Бородинская панорама».

Молодые литературоведы выступили с докладами по теме «Историческая и духовная память. Ее роль в жизни и творчестве А.С. Пушкина. Ее значение в вашей жизни». Состоялся концерт лауреатов по драматической и музыкальной номинациям, в числе выступавших были студенты из Индии, Африки, Китая, США и других стран. Состоялось награждение лауреатов фестиваля Почетными дипломами, особо отличившиеся (в том числе, скромно замечу, и ваша покорная слуга) получили 3-томный сборник стихов Тютчева.

Ключевым же событием стал пушкинский бал «В гостях у муз». Юноши и девушки в бальных нарядах, характерных для 18-19 веков (каждый участник был предупрежден заранее, в каком облачении нужно быть на балу), танцевали мазурку, полонез, вальс-гавот, вели светские беседы, читали стихи. Звучала музыка, и казалось, будто воплотилась сказка про Золушку. Произошел диалог времен, будто встретились Современность и Прошлое и, слившись, закружились вместе с танцующими, утверждая главенство культуры – музыки, поэзии, добра и красоты.

По результатам пушкинского фестиваля ежегодно выходит в свет стихотворный сборник с произведениями лауреатов в номинации «поэзия». В сборник «Современники» за 2003 год, как и за 2002 год, были включены стихи и дагестанских участников фестиваля, благодаря которым в 2002 году Махачкала была здесь названа Городом поэзии.

Неделю спустя в подмосковном пансионате «Липки» состоялся третий форум молодых писателей России, организованный Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ. Цель – открытие новых имен в литературе. В 2003 году по результатам предварительного творческого конкурса представлять Дагестан на форум были приглашены Мариям Кабашилова, Абутраб Аливердиев и автор этих строк (А. Аливердиев, талантливый писатель-фантаст, кандидат физико-математических наук, из-за занятости не смог на нем присутствовать). Всего же в форуме участвовало 153 молодых литератора из всех регионов России. Они были распределены в мастер-классы по всем жанрам литературного творчества – «поэзия», «проза», «критика», «детская литература», «художественная публицистика», «художественный перевод». Вели мастер-классы представители «толстых» литературных журналов – редактора и именитые авторы; признанные мастера слова. К примеру, мастер-класс по детской литературе вел Эдуард Успенский, автор знаменитой эпопеи о деревне Простоквашино.

Дагестанские участники форума работали в поэтическом мастер-классе, возглавляемом известной поэтессой Татьяной Бек и редактором журнала «Новый мир», критиком Андреем Василевским. Именно работали, потому что ежедневный 4-часовой мастер-класс являл собою работу над словом, требующую полной самоотдачи. Чтение авторами стихов, коллективное обсуждение прозвучавших произведений – так проходила работа. Встречались мы ежедневно и с интересными людьми – писателями Анатолием Приставкиным, Владимиром Маканиным, Анатолием Гладилиным, поэтом Олегом Чухонцевым и многими другими.

Следует сказать, что не все молодые писатели в равной степени легко переносили критику в свой адрес. Но на то и мастер-класс, чтобы начинающий автор мог выслушать разные мнения о своем творчестве, в том числе, возможно, и не самые лестные, и выработать на критику иммунитет. Писатель В. Маканин в своем выступлении уделил этой теме пристальное внимание и поделился тем, какое это удовольствие – сжигать на костре отрицательные рецензии на свои произведения.

Участникам форума прислал привет-

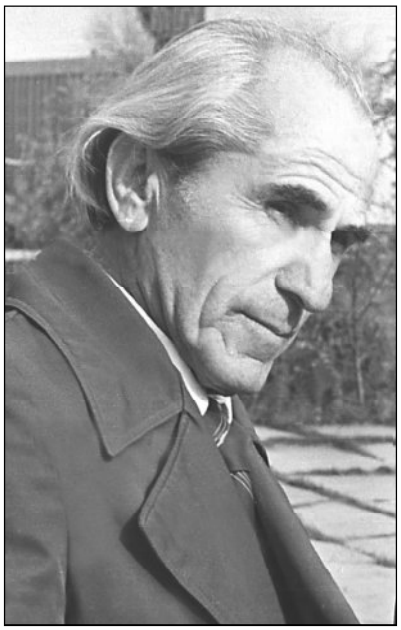
ственную телеграмму Президент России В.В. Путин; доброе послание, проникнутое волнением за судьбу отечественной литературы, прислал участникам Александр Солженицын, который призвал молодежь «постоянно ощущать высоту своего культурного долга перед прежними и будущими поколениями соотечественников». Постоянно действовала на форуме выставка книжных и журнальных изданий, которые были привезены молодыми литераторами со всех уголков России. Среди экспонатов присутствовал и наш республиканский журнал «Дагестан». Молодые писатели встречались с именитыми историками и критиками, посмотрели замечательную музыкальную инсценировку московского театра «Модернъ», приняли участие в работе «круглого стола» – «Современная молодая литература России».

И, конечно же, главным было знакомство молодых литераторов друг с другом, творческое общение и чтение стихов на вечерних посиделках за чашкой кофе, обмен печатными изданиями, возникновение дружеских связей, и не только дружеских… Как поведал президент Фонда СЭИП С.А. Филатов, после Форума 2002 года состоялась свадьба двух его участников.

Лучшие работы участников форума печатаются в «толстых» литературных журналах, в интернет-журнале «Пролог». Однако хочется добавить, что наблюдалась явная нехватка людей в мастер-классе художественного перевода. Их было всего трое… Уточню, что речь идет о переводчиках не с подстрочников, а непосредственно с оригинала-текста на другом языке, так как обсуждались именно лингвистические тонкости перевода.

И на форуме, и на пушкинском фестивале, узнавая, что мы из Дагестана, к нам подходили молодые литераторы со всех концов России и с любопытством спрашивали, виделись ли мы лично с Расулом Гамзатовым. Мы отвечали не без некоторой гордости, что не только видели поэта воочию, но и говорили с ним и даже пожимали руку. И замечали в глазах собеседников восхищенную зависть. Мы еще не знали, что по возвращении в Дагестан нас ждет печальная весть…

Всегда так бывало: поколения сменяли поколения, и в каждом новом неизменно находились люди, ощущающие в себе способность и призвание нести слово, как крест и судьбу, литературное слово, которое может разрушать и созидать, ранить и лечить, возвращать надежду и уверенность тем, кто ее утратил. Не всегда такие люди сразу находили дорогу к своему читателю или слушателю, а тем более – к творческому общению друг с другом. Поэтому трудно переоценить сделанное организаторами этих двух замечательных событий. Спасибо им.



Булач ГАДЖИЕВ

Великан-дагестанец

В молодости Осман Абдурахманов работал на консервном заводе в Гергебиле, где вручную мешал фруктовое пюре в котлах или запросто носил под мышкой мешки с сахаром, выполняя по 5-6 норм. А поскольку тогда продукты отпускались по карточкам, пришел как-то Осман к начальству и говорит:

– Разве 400 граммов хлеба для меня еда?

– Сколько же тебе выделить?

– Четыре килограмма.

– Но это, – говорят ему, – норма десяти человек.

– Я и работаю за десятерых.

Начальник на свой страх и риск распорядился отпускать великану по два килограмма хлеба на день.

Трудился кикунинец и на рыбных промыслах Каспийского побережья. Обычно невод в те годы тянули по 6-8 человек, а Осман это делал один, разумеется, получая и соответствующую плату.

В 1934 году в составе физкультурников Гуниба силач приехал в Махачкалу на Спартакиаду народов Дагестана. В первый же день соревнований Осману пришлось выполнять «привычную» работу – напротив правительственной трибуны устроили состязание по перетягиванию каната. Но условия были необычными. Один конец каната держали шесть футболистов команды «Динамо», а другой – гигант из Кикуни. Видимо, своеобразные «тренировки» на рыбных промыслах помогли атлету. И он медленно, шаг за шагом, как невод, перетянул шестерых футболистов. Никто не мог составить ему серьезную конкуренцию и в метании полупудового камня и гранаты. В первый же день Абдурахманов установил сразу два рекорда республики.

Османа включили в сборную команду Дагестана для участия в Спартакиаде народов Северного Кавказа. Надо было срочно выезжать, но тут произошла заминка. Дело в том, что нельзя было везти атлета в тулупе и чарыках, а достать ему одежду оказалось настоящей проблемой. В сапожной мастерской схватились за головы – они никогда не изготовляли обувь 57 размера.

Председатель Буйнакского горисполкома Абдусамат Ханбабаев вызвал директора кожзавода Сургутова и приказал: «Великана Османа вызывают в Пятигорск. Срочно изготовьте обувь».

Прошло несколько дней, но приказ не был выполнен.

– В чем дело?

– У Османа нога 57-го размера. Где найдешь такую колодку?

– Ищите!

Искали. Нашелся в Манасауле мастер, который из липы сделал колодку необходимого размера. В Пятигорск Осман поехал в новых ботинках. Так же было и с костюмом и фуражкой. Да и не мудрено: Осман был самым высоким и тяжелым человеком в Дагестане – рост 207 см и вес 156 кг.

…Наши спортсмены и ансамбль под руководством Татама Мурадова прибыли на станцию Лермонтово в час открытия спартакиады. День был солнечный, теплый. Так как коллективы строились в алфавитном порядке, команда Дагестана оказалась головной, а Осман Абдурахманов шел первым, неся в вытянутой руке громадное знамя. Рядом с ним шагала маленькая девочка, участница ансамбля – Соня Мурадова.

В первый же день, бросив восьмикилограммовый камень далеко за 14 метров, Осман занял первое место. Ему в качестве приза вручили патефон с пластинками, что было редким подар-

ком в те годы.

Вечером, когда делегация горцев прибыла на вокзал, чтобы ехать в Ессентуки, где ей была выделена гостиница, к ним подошел Серго Орджоникидзе. Он заинтересовался Османом, считая, что атлет должен участвовать в крупных соревнованиях. Беседа продолжалась и в вагоне.

– Не хочет ли Осман учиться? – спросил Серго.

– Очень хочу, – ответил дагестанец, когда ему перевели слова Орджоникидзе.

На следующий день из Москвы прилетел спортивный врач, вызванный наркомом тяжелой промышленности. После придирчивого осмотра он сказал, что Осман не только пропорционально сложен, но у него отличные сердце и легкие, что редко бывает у таких рослых людей.

– Будешь учиться в Москве! – сказал атлету Серго Орджоникидзе, протягивая руку.

Дагестанец осторожно и от всего сердца пожал ее.

…Конечно, все ждали поединка борцов тяжелого веса, выступавших в Пятигорске. Их было около 30 человек, и все интересовались, будет ли участвовать в борьбе великан из Кикуни. Дагестанцы же составили свой «тактический план», который держали в большом секрете. Дело в том, что до этого дагестанец никогда в своей жизни не только не боролся, но, как говорят, никого пальцем не тронул. Абдурахманова могли положить на лопатки техничные атлеты, даже уступавшие ему своими физическими данными. Но такого позора никто из нашей делегации не мог бы перенести. Тогда и был выработан «план», имевший, скорее всего, психологическую силу.

Судьи разговаривали с Османом через переводчика – тренера всей дагестанской команды Абакара Гаджиева. Вопрос арбитров, будет ли дагестанец бороться, Гаджиев перевел Осману, а от себя на аварском языке подсказал, чтобы тот дал ответ как можно выразительнее.

Гигант, поняв свою роль, сверкнул глазами, щелкнул языком и, схватив, как ребенка, какого-то борца, оказавшегося рядом, потряс им в воздухе, а затем резко выпалил несколько слов.

Судьи тревожно уставились на тренера дагестанцев, а Абакар Гаджиев, дав волю своей фантазии, «перевел» так: «Для того приехал, чтобы бороться, но, спрашивает он вас, уважаемые судьи, не будет ли над ним устроен суд, если, увлекшись, он поломает кому-нибудь кости?».

После этих слов наступила абсолютная тишина. Первым нарушил ее борец, которого перед этим в горячке схватил Осман. Он объявил, что хотя ему и стыдно, но встречаться с дагестанцем не будет.

Случилось необыкновенное, когда подходил черед бороться Абдурахманову, он становился у края ковра, а так как противник не появлялся, судьи присуждали ему победу. И так до самого конца. Невероятно, но факт – Осман Абдурахманов, не встретившись ни с одним противником, стал чемпионом Северного Кавказа по борьбе в тяжелом весе.

На фото: Осман Абдурахманов с земляками

Абдурахманова вызвали в Москву, где он в течение трех месяцев работал на заводе «Серп и молот» и учился русскому языку. Затем он совершенствовал свое спортивное мастерство и заодно работал актером в «Союздетфильме». Многие из пожилых дагестанцев, наверное, помнят такие картины, как «Детство Максима», «Остров сокровищ», «Богдан Хмельницкий» и «Бакинцы». В них принимал участие наш земляк.

С 1938 по 1944 годы дагестанец выступал в разных цирках Советского Союза, встречаясь с профессиональными борцами. Почти всегда он брал над ними верх. Чистой победы над великаном никому не удавалось одержать, хотя проигрыши по очкам у него все же бывали.

В активе Османа Абдурахманова звание чемпиона Москвы и победа над прославленным атлетом мира Иваном Поддубным. Но справедливости ради надо сказать, что Поддубный тогда был уже в возрасте, близком к 60 годам. Необходимо заметить и другое: имея колоссальный рост и недюжинную силу, Осман, к сожалению, не обладал особенной ловкостью, что отразилось на его спортивной карьере.

В ту пору чемпионом мира по боксу в тяжелом весе был итальянец Карпентарий. Лучшие тренеры Советского Союза стали готовить дагестанца к встрече с непобедимым тяжеловесом. Но очень скоро пришлось отказаться от этого намерения. Хотя Абдурахманов мог устоять против любого противника, но, как я уже упоминал, не обладал реакцией, необходимой для боксера, поэтому кикунинец проиграл бы бой по очкам.

…Стоило Осману Абдурахманову появиться на улице, как он тут же становился объектом повышенного внимания. Люди толпами ходили за ним, а он беспомощно улыбался, будто в чем-то виноват перед ними.

Имена таких людей всегда окутаны легендами, былью и небылицами. Я немного знал Османа Абдурахманова, поэтому хочу добавить к своему рассказу несколько фактов, свидетелем, а иногда и инициатором которых бывал.

В 1962 году мы пригласили его в Буйнакск на встречу с молодежью города. Оказывается, он болел. Но, не взирая на это, в мартовскую слякоть через Араканский перевал прибыл к нам. В точно обозначенное время гость появился в театре. Встретили его гро-

мом аплодисментов. А затем в письменной и устной форме засыпали его вопросами. Был и такой вопрос: «Правда ли, что вы боролись со змеей?».

– Правда, – отвечал Осман. – Дело происходило в киевском цирке. Как-то вызвал меня директор и говорит: «Публика устала от выступлений борцов, плохо посещает цирк». Я подумал, что он хочет со мной распрощаться. Спрашиваю, зачем пригласил?

– Тебе необходимо бороться не с человеком, а со змеей.

– Как же с ней можно бороться?

– Змея дрессированная, – отвечает директор цирка, – твоя задача не дать ей обвить себя.

Что было делать? Дал согласие, иначе не носить мне папаху.

В тот день цирк был переполнен. Выходит дрессировщик со своим питомцем: метра три в длину, а толщины, что человеческая нога. Ползет на меня гадина. Я мог бы задавить ее, но в таком случае плакали бы мои деньги. Она несколько раз обвила мое тело. По режиссуре я должен был изображать себя побежденным, но, к удовольствию публики, я поднял змею над головой и бросил к ногам дрессировщика.

Вспомнил великан и случай, происшедший в военных лагерях в Подмосковье, где был строжайший режим: подъем, зарядка, уборка, завтрак… Все делалось по минутам, если не по секундам, как указывалось в расписании.

У кикунинца были свои трудности: он не владел русским языком. Однажды товарищи уговорили его принять общее дежурство по лагерю, а текст рапорта Осман зубрил весь день и часть ночи.

Утром приезжает генерал. Лагерь застыл по команде «Смирно». Великан, печатая шаг, идет навстречу своему испытанию и, остановившись в двух шагах, докладывает: «Товарищ генерал, не хочу учиться, а хочу жениться!».

Секунды три-четыре стояла абсолютная тишина, а потом лагерь разразился громовым хохотом. Суровый генерал корчился от смеха, присел, махал руками, будто отгонял кого-то или что-то. Невзирая на явное нарушение дисциплины, он потом никого не наказал. А Осман озирался по сторонам, не понимая: отчего курсанты так развеселились. Когда ему растолковали, в какой комедии он участвовал, то он и сам присоединился к веселью.

Когда Осман работал на Гергебильском консервном заводе, где одновременно вращал два чана, туда приехало высокое начальство. Комиссия проверкой осталась недовольна. Естественно, и заводчане не были от этого в восторге. Осман почему-то решил по-своему «отомстить» приезжим. За задний бампер он слегка приподнял автомашину. И сколько ни старался водитель «эмки» двинуться с места, ничего не получалось. Только после просьбы заводского начальства Абдурахманов оставил гостей в покое.

В 1942 году Гунибский райком партии назначил его председателем кикунинского колхоза, хотя наш герой в вопросах сельского хозяйства ничего не смыслил. Прошло немного времени и сказались его мягкий характер и отсутствие опыта. Дисциплина упала, люди занялись личным хозяйством, а председатель из колхозного склада выписывал себе по килограмму брынзы, без которой жить не мог. Так шло до поры до времени, пока не нагрянула комиссия, которая, подводя итоги проверки, объявила, что кикунинцы в течение года на трудодень получат только по 300 граммов кукурузы… в початках. Председателем колхоза был назначен новый человек, а Осман Абдурахманов отделался каким-то выговором.

Великан не унывал, в его доме собиралась молодежь, чтобы танцевать, петь, слушать рассказы о его выступлениях в цирках или о его жизни за пределами Кикуни. Однажды супруга пожаловалась, что гости ей по горло надоели. На эти слова Осман ответил: «Как только меня не станет, кунаки забудут сюда дорогу, а пока придется тебе потерпеть».

Я не раз и не два виделся в Кикуни с третьей супругой Османа – Патимат, невысокой, плотной, веселой, довольной жизнью и своим мужем, женщиной. Она не только терпеливо относилась к многочисленным гостям – принимала как близких людей и угощала их, чем бог послал.

Несколько лет назад Патимат захворала. Ее похоронили рядом с могилой супруга.

В 1939 году после долгого отсутствия Осман вернулся на отдых в Кикуни. Около канцелярии сельсовета росли два тутовых дерева. Здесь коротали время старики. Осман прежде всего явился туда. Аксакалы обратились к нему так: «Где ты там выступаешь и что делаешь, мы не знаем и не видим, но что ты сильный человек – это тоже у тебя не отнять. Если можно, уважь и нас: из того, что делаешь в своих цирках, покажи нам тоже что-нибудь».

Осман, не долго думая, раскачал одно из тутовых деревьев, подмял под себя, затем, вырвав с корнями, положил себе на плечо и со словами «пригодится по хозяйству» отправился к себе домой. После этого второе дерево высохло.

В другой раз, когда с такой же просьбой сельчане обратились к нему, Осман поднял нагруженного сеном ишака в воздух и водрузил на балкон чьей-то сакли.

В одно время к Осману зачастили гастролеры, увозили великана то в Гергебиль, то в Хунзах, то в Акуша, выставляли его на всеобщее обозрение и на этом подрабатывали. Показывать какие-либо цирковые номера Осману было уже не под силу. Он страдал болезнью сердца и печени. Великана не стало в декабре 1969 года – в 56-летнем возрасте.

Отца великана звали Абдурахманом. Это был рядовой колхозник. Его рост был 165 см. Но мать моего героя – Айшат – была великаншей, имела рост никак не меньше двух метров. Как могли полюбить друг друга Абдурахман и Айшат, мне никто не мог объяснить. Не знали и то, как Айшат относилась к своему богатырскому сложению. Но в одном деле рост ее играл весьма положительную роль.

На гергебильском базаре она торговала фруктами и смолой, которую дети раскупали как жвачку. Покупателей неизменно привлекал ее рост, поэтому все кому не лень скапливались около кикунинки. Дело, конечно, не обходилось без покупки ее товара. Поэтому Айшат к обеду со своим осликом могла двинуться в обратный путь.

Зайнаб Хасбулатова, близко знавшая ее, говорила, что Айшат обладала крупным лицом, грубым, звучным голосом и широкими плечами. Свою силу она демонстрировала нарочно. Плетеную корзину, до краев наполненную фруктами, поднимала над головой мизинцем. Одевалась великанша в платье, сшитое из темного сатина, голову покрывала черным платком с кистями, тоже из дешевого материала. А приобретая на базаре куриные яйца, Айшат неизменно рассматривала их на свет, чтобы ей не подсунули негодный товар. Умерла она до войны.

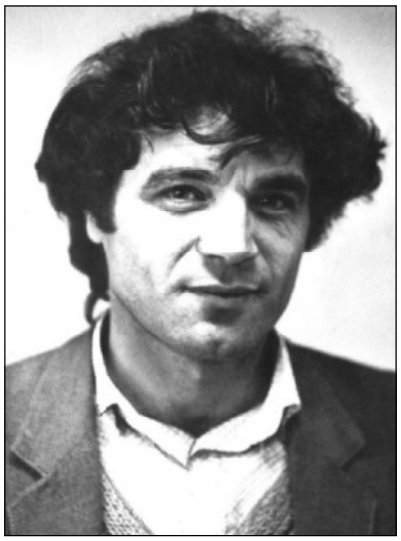
ЛИТЕРАТУРА

ПРОЗА

Магомед ВЕДИХ

Патак

(рассказ)



Лезгинский прозаик Магомед Ведих родился в 1956 году в сел. Канциль Хивского района. В 1986 году окончил Литературный институт им. А. Горького, где занимался в семинаре прозы, который вел Феликс Кузнецов.

М. Ведих автор книг «Будь счастлив, дом» и «Зима», изданных в Дагестанском книжном издательстве.

В настоящее время в журнале «Самур» публикуется большой роман «На площади Арасат» (площадь, где в Судный день Аллах рассудит всех мертвых и живых), в котором писатель дает оценку катаклизмам, происходившим на стыке двадцатого и двадцать первого столетия.

Прозаик живет в родном селе и работает в средней школе учителем родного языка и литературы.

1.

Орлица сидит на вершине Тик-дага, а далеко внизу, у подножья, охватившего его в свои объятия, село. Судорожно сгорбившееся, исполненное болью тело, жестко поблескивает перьями железного цвета. От лучей восходящего солнца опаленная до волдырей грудь и шея саднят. Кажется, вмиг сознание покидает птицу: исчезает… исчезло божье сотворение – мир. И только память, не считаясь ни с чем, точно воет и кружит бредовой метелью в птице. Снова и снова внезапный пламень, обвальный грохот и тихий шелест разоренного муравейника – там, в голове. Кажется, кругом не пестрые, ароматные луга, а запах гари и тепло тлеющего пороха заполняют грудь. И – мрак. Будто землю внезапно накрыла ночь, опустел мир. Тишина. Жуткая тишина. Орлица падает и падает вниз и вниз, в бездну, в пустоту. И этому нет конца. Только какое-то маленькое, въедливое насекомое словно заползает в ухо и тонко зудит изнурительной песенкой: «Тив-ии-ти-ив… Цив-ии-ци-ив». Магический голосок. Звук расслабляет и уводит ее в сонную тяжелую истому. Будто того и ждет это въедливое насекомое, и вдруг так вонзается своим тоненьким жалом, что острой болью врезается в мозг. Орлица истово трясет головой, будто хочет выбить эту боль, этот звук вместе с пережитой бедой. Скрежеща искореженным клювом, она пытается сглотнуть слюну, густой пороховой массой завалившую гортань.

Очнувшись, орлица, прикрывая обожженный глаз, обводит вторым здоровым и острым весь окоем: село, теснящееся у подножия горы, привычную зелень лугов со стадами овец. А тоска, смертная тоска уводит ее взгляд к чистому, как око журавля, небу, и нет желания ни взмыть в эту прохладную стихию, ни реять в ней. Все чаще и чаще одичалый взгляд хищника останавливается на изножии обрыва. Там, на острых, как волчьи клыки, камнях, на ощетинившихся колючками кустах барбариса, на склонах, на зелени травы валяются остатки разоренного гнезда.

Клочья овечьей шкуры, разодранный заячий и лисий мех, живо еще блистающие молодые рога туров и множество костей.

Еще вчера утром орлица кормила своих детенышей, грела их теплом собственного тела. Они, озорные, игривые птенцы, прыгали на спину, шало и неловко поклевывали жесткие материнские перья. Сегодня, растерзанные, облепленные мухами, они валяются там, в частых кустах боярышника. Нет, не видать ей больше своих орлят, не слышать их призывных криков.

Из леса слышатся голоса ворон, они деловито и изворотливо кружатся над мертвыми телами орлят. Осторожно следят, когда с вершины уберется орлица. Потом поволокут по всему лесу их кишки и в веселой суете и хлопотах проведут пышный пир. Эти, чем-то похожие на мух, твари любят пахучее, отдающее порохом, мясо падали.

Сторожат вороны, осторожно косясь на недвижимое изваяние на вершине Тик-дага. Да только орлице не до них. Болью пронизана ее неподвижная плоть, болью пресекается в груди каждый вздох. Недавно, выбиваясь из сил, она едва добралась до вершины.

Отсюда видно все как на ладони: село, клочки пшеничных полей, ущелья, зеленые просеки лесов. По дорогам, волоча за собой пыльные ленты, ползут машины. А в складках гор, над полями, затерянных в лесах, в мглистых, еще без проникших сюда лучах солнца просеках вчерашний зной сбивается в неровный туман. Он лениво выпутывается из кустов, восходит над кронами деревьев, потом свободно утекает в небесное плавание. Туман – как волшебник, влюбленный в жизнь, от легкого прикосновения влажных губ которого каждый лист, каждый цветок становится истонченным, ярким, цветным. Потом, как застенчивая невеста, разобрав новые комнаты, он вдруг истаивает и исчезает.

Небо ясное…

Все в цвету: луга, поля, леса, раскинувшиеся из края в край.

Кукует кукушка…

Сегодня орлица не наблюдает за пробуждением жизни. Ей некогда восхищаться им. Израненная хищница ищет только одного: чабана. Вот он там,

почти у самого горизонта – на склоне горы. Это охотник Буба! Сегодня его очередь пасти отару. Поэтому он с двумя сыновьями забрался на эти луга, похаживает спокойно за своим стадом. Как заметила Бубу, ей стало тревожно. Заныло сердце. Ее яростный взгляд впился в ненавистную фигуру чабана.

Вся жизнь орлицы прошла здесь, она знала многих жителей села. Буба был страшнее всех. Едва завидев его прокаленное лицо, украшенное хищным с высокой горбинкой носом, она готова забиться в любую щель. Видно, сам Всевышний щедро одарил его: быстры ноги, остер глаз! Вскинет ружье, припадет к нему своим хищным клювом-носом – берегись!

Не однажды Буба охотился на орлицу. И было время, когда охота проходила как какая-то азартная игра. Случалось, целый день он гонялся за ней, но она не давала ему даже произвести выстрел. Кажется, вот можно целиться, сейчас полыхнет огнем ружье, но орлица тут же срывалась с места и, отлетев метров на тридцать, демонстративно садилась на скалу или на дерево. Вызывающе покружит головой, лениво осматривая свои владения, раз-другой чесанет клювом у ног, скосит взгляд в сторону преследователя, точно говорит: «Ну что, догони… Не получается. Меня так просто не возьмешь. Потрудись, потрудись». Буба трудился: взбирался все ближе и ближе. «Птица хорошо сидит, неподвижно. С такой высоты птицы падают красиво». Но самонадеянный Буба едва касался рукой ружья, как хитрая птица вновь срывалась с места и отлетала на заманчиво близкое расстояние. И Буба украдкой снова выслеживал ее.

Орлице, наконец, надоела такая игра. Она несколько раз взмахивала крыльями, будто говорила охотнику: «Да ну тебя» – и срывалась с макушки дерева. Мощными взмахами крыльев возносилась вверх и кружила в небе в плавном неспешном парении, кренясь то в одну, то в другую сторону: «Может, тебе так удобнее, или так?.. А вот и не смеешь!..» – вызвав у Бубы зависть и злобу, скользнув стрелой, пропадала в лесной чаще. Буба занервничал, в отчаянии топал ногой, плевал в сторону, куда исчезала орлица: «Улетела! Все! Издевается подлая зверюга!».

Чтобы жить и выжить, ей приходилось испытывать всякое. Чтобы жить рядом с людьми и уберечь себя от опасности, исходившей с их стороны, ей приходилось учиться разным хитростям, ловчить.

Однако сколько бы не ловчила, от судьбы не уйти, и в жизни всякое бывает. Орлица тоже живое существо. Вот и грянет беда нежданно-негаданно.

В тот день ей не повезло.

Буба думал, что орлица на сегодня исчезла, больше сюда не вернется. Да и времени прошло предостаточно. Охотник успокоился, даже позабыл о ней. День клонился к вечеру. Поев и отдохнув, Буба собирался идти домой. Усталость прошла, настроение поднялось, легко дышалось сырым воздухом осеннего леса. Небо мутнело. На высоких склонах туман сбивался в клочья. Буба уселся под орешником, который был по пути, беззаботно разгребал мокрые осенние листья и клал в карман найденные там золотистые плоды. Вечерело.

Буба встал, надо было идти домой. Вдруг его взгляд невольно наткнулся на летящую издалека орлицу.

Тяжело взмахивая крыльями, она снижалась, приближаясь к нему. Вот она устало опустилась на высокий черный камень неподалеку от охотника. Орлица сидит спокойно, даже не подозревает о возможной опасности, а об охотнике давно забыла. От такой неожиданности Буба растерялся: что делать? Стрелять с такого расстояния – можно не попасть. Выйти бы из кустов, приблизиться к орлице еще хотя бы на несколько шагов… Опасно: что ни говори, бдительности ей хватает – тут же обнаружит. Тогда снова начнет свою азартную игру в догонялки. И Буба понадеялся на удачу, Буба решился: была не была. Может, и повезет.

Осторожно он поднял ружье, припал к нему крючковатым носом, замер на миг. Вздрогнуло низкое осеннее небо. Во влажном воздухе повисли клубы сизого дыма, запахло пороховой гарью. По горам прокатилось эхо выстрела.

От внезапной боли голова орлицы рванулась и откинулась. Ее подбросило, она упала, судорожно кувыркаясь и извиваясь, прибитою змеею она тащилась по земле. Но миг ошеломления прошел, она почувствовала, что еще жива, тут же сообразила встать и бежать по склону вниз, к краю обрыва. Вниз и… в полет. Орлица камнем бросилась с обрыва и скрылась там, внизу, в ущелье, от глаз охотника. А Буба остался недоволен. Но орлице эта встреча даром не прошла. Выстрел расщепил ей клюв. Нижняя его часть ушла в сторону, и теперь люди звали ее «Патак» – значит «кривая». Давно это было, но она не могла свыкнуться с существованием Бубы. Не будь у Бубы ружья, Патак давно бы свела с ним счеты за все. Она, Патак – всемогущая царица природы – изгнала бы, изжила бы Бубу из этих мест, как и других хищников из своего помеченного владения. Ибо это ее земля, ее… И никто не имеет права охотиться здесь, нарушая правила охоты, установленные самой Природой.

Но Буба вооружен. Разве можно забыть тот день, когда он истребил ее слетышей, едва вставших на крыло. Обоих сразу, в один день. Наверное, зло запоминается всеми живыми существами, хранит его и птичья память. Разве Патак сможет забыть, как по милости все того же Бубы лишилась своего друга, могучего красавца-орла. Облик охотника, этого чудовища-человека неизгладим из памяти: она узнает его в любой толпе.

Теперь вот и сама она – сидит опаленная жгучим порохом, измученная вчерашней битвой со смертью…

Над головой чистое небо. Тает солнце… Она не помнит, сколько раз поднималась в это небо, сколько раз благословляла из безмерной выси своих птенцов, сколько кружилась в воздушном танце в любовной игре с могучим орлом. Сколько раз, высмотрев зорким глазом добычу, камнем кидалась вниз.

Патак на минуту оторвала свой яростный взгляд от Бубы и медленно обвела им свои владения. Кажется, красота, простор гор, этот яркий день почему-то наводили на нее грусть, и в глазах, как глубокая осень, оседала тоска. Кругом обширные поля, луга. Овцы бродят, сбиваясь в кучи, выискивая спасительную тень. Но быстроногие подростки, сыновья Бубы, тут же отыскивают забредших в кусты овец и выгоняют их оттуда. Вот и птицы перестали петь. Наступает жара. Только на ветвях деревьев трещат цикады. Нынче их пора.

Патак снова перевела взгляд на ненавистную человеческую фигуру, темнеющую вдалеке. В ее груди смертельной жижей горит смесь исступления и обиды, горечи и жалости. Беда сгорбила ее. И кажется, что не легкий ветерок, играющий в выси, перебирает ей перья, а все та же костлявая рука беды.

Птица расправила крылья. Сделала решительный шаг. Патак готовилась к полету. Кончалось утро летнего дня.

2.

День был на исходе. По селу текли горячие потоки воздуха. Казалось, что солнце клонилось не за горизонт, а опускалось прямо на землю. Жара опаляла

все живое, будто подножие Тик-дага превратилось в танур, в котором подвижная старуха-великан собралась выпекать хлеб.

Сейран полола картошку в огороде. С лица ее не сходила обида. Надо же, осталось всего несколько грядок, а у мужа не хватило терпения – ушел в дом. А как должна чувствовать себя женщина, если мужчина оставил ее одну, и на помощь рассчитывать не приходится. А тут еще денек такой выдался, будто в самом деле с небес льется огонь. Каждый взмах мотыги ритмично и нервно раскачивал огрузневшее тело женщины. По загорелому лицу ручьями лился пот. Изредка прикрывая глаза от слепящего солнца, она на ходу натягивала косынку на самые брови, раздраженно бурча:

– Рядков-то осталось всего ничего… Так нет, убежал! Вспотел бы он. Усы намочить боится… – А проклятые колорадские жуки доводили женщину до истерики: – Сколько их… Живучие твари!..

Сейран склонялась над каждым кустом картофеля и тщательно обдирала листья с присосавшимися к ним жуками и личинками, бросала их в ведро с керосином.

– Только жечь вас, больше никакой управы.

Кончики ее пальцев истерлись до болезненной тонкости, стали зеленовато-прозрачными, как картофельная листва.

– Будьте вы прокляты… Яда на вас нету. Ни одного целого листа не оставили. Конец света что ли настает?! – ругалась Сейран, сатанея от обилия жуков.

Солнце совсем измучило ее. Все чаще распрямлялась она, разминая онемевшую поясницу, косясь усталым взглядом в сторону солнца:

– Вот ведь настырное какое! Висит над душою, уходить не собирается!

Сейран отерла изззеленевшиеся пальцы о мокрый халат, облепивший ее грузноватое, с крупной грудью тело. Невольно окинула взглядом огород, двор. Ни мужа, ни детей. Никого. Жара загнала все живое в прохладу. Единственная живая душа в саду – это белоснежный ягненок. Завалился в траву, в жидкую тень кустика, лежа лениво пощипывает травку.

Его присутствие заметно оживило Сейран. На ее лице появилась улыбка, облегченно вздохнув, она снова втянулась в свою изнурительную работу.

…Страшный шум, точно начался ливень, заставил ее замереть. И тут же поверху скользнула огромная тень. Сейран содрогнулась, выпрямилась.

– Что за диво? – Она даже задохнулась от удивления.

Простертые крылья хищницы чиркнули по саду. И вот уже она набирает высоту.

Сейран онемела. По ее взмокшей спине прошла дрожь. Растерянно смотрела она на своего белоснежного ягненка, трепетавшего в когтях орлицы.

Он жалобно вскрикивал: то ли звал на помощь, то ли просил у хищника пощады. Поначалу его жалобная мольба наполняла душный воздух двора, но чем выше уходила орлица, тем слабее становился крик. И, наконец, как шепот бесплотного духа, замолк в вышине.

Сейран от отчаяния кружилась на месте, топча подвернувшиеся под ноги кусты картофеля, смотрела в небо, как заколдованная, не могла, оторвать глаз от орлицы. Наконец к ней вернулись и сознание, и голос:

– Унесла-а! У-нес-ла-а! Ай, Буба!

Безумный крик жены огнем прожег сидевшего в комнате Бубу. Ошпаренной кошкой выскочил он наружу. «Беда какая-то!» – просквозило его душу.

– Что случилось, жена?

Сейран топталась посреди огорода, воздев мотыгу к небу, угрожающе размахивая ею, и кричала:

– Унесла, унесла, е-ей! Что ты за человек? – замахала она мотыгой на мужа. – Весь дом у тебя очистят, а тебе и дела нету. И за что Господь на мою голову создал тебя таким? Патак унесла ягненка! Ох, какой ягненок был, какой ягненок! Как ребенка с рук его кормила. Посмотри, посмотри только! – Она снова погрозила мотыгой парящей в небе орлице. – Да лопнет твое сердце, черная змея! Чтоб тебе подавиться моим ягненком! Чтоб ты сдохла, скотина такая!

С минуту Буба недоуменно смотрел на разгоряченное потное лицо своей благоверной, на взмахи мотыги. Плотные бока Сейран, обтянутые мокрым халатом, сотрясались от нелепых и неистовых движений. И на миг Бубе показалось, что жена его вот сейчас возьмет и лопнет как цикада. Поняв, в чем дело, умчался внутрь дома и через миг пулей вылетел во двор с двустволкой в руках.

Вскинул ружье, прилип к нему хищным носом, выстрелил.

Но «Кривая» была уже в недосягаемой для выстрела выси.

Буба, гневаясь и на себя, и на легкомысленно и впустую потраченный заряд, с досадой хряснул прикладом ружья о землю. Потом растерянно качнул головой, скосил глаза на ружье. С остервенением плюнул.

Будто самому Богу грозя, укоризненно качнул он указательным перстом в сторону неба и страстно пообещал:

– Ну я тебе покажу! Подожди, этот ягненок кровавыми слезами отольется тебе! Мы еще встретимся с тобой, Патак…

Не успел он договорить своей угрозы, как примолкшая было Сейран разразилась новыми криками, теперь только уже окончательно в адрес мужа.

На грохот выстрела и крик Сейран вышли соседи. Узнав, в чем дело, они сами, измученные выходками орлицы, принялись наперебой проклинать Патак. А окончательно расстроенный Буба махнул рукой на весь этот гвалт и поспешил удалиться в прохладу комнат.

3.

Отошла напряженность ночи. Чуть просветлело и зазеленело небо у горизонта, предвещая утреннюю зарю… Из-за дальних гор только начало появляться, словно укрытое росой, как разгоряченное лицо девушки, идущей с первого ночного свидания, красное солнце. Буба с двумя своими спутниками уже пробирался к вершине Тик-дага. Казалось, что сегодня они поднялись раньше петухов, или всю ночь провели в пути.

– Ну что, отдохнем чуточку? – предложил Буба своим товарищам. – Теперь пройти осталось немного.

Они живо и охотно скинули рюкзаки, присели на камнях, разбросанных во множестве по склону.

– Джамал, как настроение? – Буба испытующе глянул на одного из своих спутников. – Как тебе подсказывает сердце: удачно поохотимся?

– Ну если и сегодня не удастся, то эта зараза, видно, вправду бессмертна, – Джамал отвел глаза, прикуривая сигарету.

– Ребята, смотрите! Патак! Вроде дожидается нас, – срывающимся голосом почти крикнул третий из них, Саруxан. – Интересно, неужели она приметила нас? Вот бы подкрасться незаметно и подстрелить!

Все трое повернулись к вершине и посмотрели на орлицу.

– Ага! – иронично протянул Буба и безнадежно махнул рукой. – Подстрелить! О чем ты говоришь?! Эту старую каргу не перехитришь. Нас проверяет, дразнит, дрянь такая! Я хорошо знаю эту змею!

Буба деловито подтянул к себе сброшенный неподалеку рюкзак.

– Пора готовиться!

Все поднялись. Выпащили из чехлов ружья, собрали их, привели в полную готовность, проверили. Потом облачились в толстые брезентовые робы, до предела застегнули молнии. Под конец натянули на себя добротно простеганные ушанки, поверх которых легли брезентовые капюшоны. Вот уже завязали под подбородком шнурки. Все. Готово! Проверяя ладность экипировки, все трое поводили плечами, попрыгали на месте. Убедившись, что все хорошо, вскинули ружья на плечи.

– Шайтан, а не птица. Обо всем на свете знает. Вон сидит, смотрит, соображает: что это мы удумали. – Как Буба себя не сдерживал, а видно было, что он психует при одном виде орлицы.

Сколько уже лет длится их поединок. Больше он не намерен его терпеть. Сегодня он хочет положить всему этому конец.

Буба не спал всю ночь, тщательно, расчетливо и холодно обдумывая план охоты. Теперь он пояснял задуманное своим товарищам.

– К этой заразе обычным методом и не подходи. Так ее не пристрелишь. Только подберешься, только поднимешь ружье – ее уже и след простыл. Отлетит на расстояние чуть больше, чем надо для выстрела, и сядет. Дразнит. Я-то ее знаю… И вот что я придумал, – Буба положил руку на плечо Джамала. – Видишь во-он то дерево? – Он протянул руку в сторону Тик-дага. – Видишь?

– Это дуб что ли у вершины?

– Ага.

– На выступе? – уточнил Сарухан, прищурившись разглядывая обозначенную Бубой цель.

Казалось, что неведомый скульптор решил высечь из монолита горы фигуру человека, но успел только наметить одно плечо. А потом взял и бросил.

– Вот именно, на выступе, Сарухан. Туда нам и надо подняться. Прикрепим к дубу веревочную лестницу и сбросим ее в сторону села. Мы знаем, что гнездо Патак с той отвесной стороны, в пещере… Я спущусь туда по лестнице. Тогда, конечно, Патак станет защищать гнездо. Как только она вздумает напасть на меня, тут вы ее и кончайте. Ясно? Только будьте начеку, риск большой. Не дайте ей настичь меня. А то… там, внизу, и костей моих не соберете. Как только она появится надо мной, тут же стреляйте. И будьте осторожны.

Охотники продолжили свой путь. Вскоре они были у цели.

Буба вскинул голову, осмотрел ровный, как стена, обрыв скалы.

– Ну, сколько, по-вашему, здесь будет? – он хлопнул ладонью по глади скалы.

– Высоко… Метров двадцать пять, тридцать… Как ты думаешь, Сарухан? – Джамал тоже похлопал по скале, обвел путников тревожным взглядом.

– Высоко… Ты посмотри-ка… ни одного уступчика, чистая стена. Здорово… – Сарухана трясла охотничья лихорадка.

– Ну что она против скалы Куропаткина! Помню, там был улей диких пчел, и я решил туда забраться. Ох, какой мед там был, какой мед! – Буба даже сглотнул слюну. – По сравнению с той скалой эта – так, мелочь. Только та поднималась прямо из долины, а сюда мы вон сколько добирались, но тоже – высока. Высока, ничего не скажешь.

Орлица смотрела на них с отвесной вершины.

– Неужели я не смогу подстрелить ее? – горячился Сарухан.

Он сдернул ружье с плеча, вскинул его, прицеливаясь в Патак. Но орлица тут же заметила это движение и камнем упала куда-то вниз, в мгновение ока исчезнув с глаз охотников.

– Ну что, выстрелил? – усмехнулся Джамал.

Тем временем Буба уже доставал из рюкзака прочную веревку с прикрепленной к ней четырехлапой стальной кошкой. Он раскрутил свой снаряд над головой и ловко закинул наверх. Крючок зацепился за дерево у самых корней. Буба с силой потянул веревку на себя и, убедившись, что концы крюка засели основательно, сказал:

– Можно подниматься.

Для проверки он еще раз повис всей тяжестью тела на веревке. Потом, будто размеривая каждое движение, стал ловко подниматься вверх. Видно, что для него это было делом простым и привычным. Через несколько минут Буба был уже на выступе. Вслед за ним поднялись Сарухан и Джамал. Теперь они были у цели.

И странное дело… Новое, неизведанное чувство охватило их. Всю жизнь они знали, что когда прогревает землю, накатывает утомление и лень. А здесь…

Ветерок, коснувшийся плеча прогретого солнцем Тик-дага, опалил их немыслимым ароматом. Такой, наверное, была божественная амброзия. Буба вдруг почувствовал, будто он голоден. Ему казалось, что этот горный ветерок доносит запах горячего свежего хлеба из его собственного двора, где в такой ранний час Сейран печет лаваш. Запах соблазнял и пробуждал в нем аппетит. Ветерок вскоре остудил его разгоряченное подъемом тело, и от этих мыслей в Бубу вселилась легкость и бодрость. Как юный джигит, влюбленный в мир, он с любопытством рассматривал могучий Тик-даг. Буба восхищался им.

Упирающаяся в самый зенит гора казалась ему великаном, готовым подняться с колен после утренней молитвы, но таким и оставшимся. На плечи его накинута просторная, поросшая зеленью бурка, на голове – темная папаха…

Эта сторона горы была настолько отвесна, что подняться сюда напрямую не было возможности. Поэтому охотники обошли гору. Свое восхождение сюда они начали с тыла, от самого основания зеленой бурки. Здесь склон был еще достаточно крут, но все же особенных преград они на пути не встретили. И вот они стоят на могучем плече великана.

Не ведающий обычных препятствий взгляд Бубы восторженно и свободно летел по необъятным, открывающимся отсюда просторам. Странно, но отсюда мир, в котором они обитали, казался теперь беспомощно малым и робким. Все уменьшилось до жалких размеров. И это новое, неожиданно познанное, вмиг освоенное пространство давало Бубе ощущение могущества, спокойного достоинства и великой, необоримой силы. Даже отчий дом кажется отсюда хрупким холмиком. Стукни по нему хоть этим вот камешком, и – рассыплется в прах. Даже жена Сейран, которая бросает курам зерно, выглядит как крохотное существо в пестром одеянии.

Невольно Бубе пришла мысль, что, видно, не зря, совсем не зря, человек дерзнул подняться в космос. Из его глубин может понять он истинное свое предназначение. Оттуда человек сможет понять, что вся наша планета, на которой мы копошимся и бьемся в трудах и борении, всего лишь пульсация одного атома, затерявшегося в общей структуре вселенского вещества.

Словно глазами орлицы видел людей Буба, и каждое движение внизу казалось ему суетой насекомых. «Разве трудно взять и уничтожить всяких там букашек?» Не успел Буба так подумать, как ощутил, что весь мир там, внизу, пугливо съежился под его взглядом. Он невольно и жадно втягивал острый, разряженный воздух, и грудь его горделиво вздымалась, как вздымалась она у Патак. Казалось, еще одно усилие, и он обретет крылья, оторвется от этой ска-

лы и плавно воспарит в восходящих потоках воздуха, ничуть не хуже неуловимой орлицы.

Но, видно, нет для человека полной свободы. Вон там, у подножия Тик-дага, дремучая полоска леса напрочь съедает солнечный свет и зияет, манит и пугает черным своим провалом. Величественна высота и... страшна. Этот страх, дуновением парного ветерка проникший в сердце, только напомнил Бубе, что там, в глубине его тела, есть искорка осознания бытия, которой теплится, возгорается и длится жизнь.

– Да, не зря здесь гнездится Патак...

– Если б это было возможно, только здесь и жить! Только вот крыльев нам не дано! – выдохнул из себя всегда сдержанный Джамал.

– Ну, пора за дело. Вот уничтожим Патак, разорим ее гнездилище, отдадим ее крылья тебе. Тогда и полетаешь, сколько хочешь, – пошутил Буба.

Его спутники живо принялись крепить веревочную лестницу к дубу. Буба, готовясь к спуску, приладил к поясному ремню страховочную веревку. Потом вскинул ружье на плечо и, благословясь про себя, подошел к подготовленной лестнице.

– Ну, будьте начеку! Смотрите, главное – не подпускайте ее ко мне. Как только появится – стреляйте! – наказал напоследок он.

– Хорошо, хорошо. Не волнуйся. Мы ей покажем! – наперебой уверили Бубу его товарищи.

Буба медленно начал свой рискованный спуск. Где-то на середине этого опасного пути он остановился. Невольно обернулся и взглянул на селение. Потом поднял лицо к небу. Полная тишина. Смотреть вниз ему не хотелось: там темно, там, в провале черной дыры, гнездилась ночь...

«Неужели Патак не появится? Может, гнездо ее пусто? Да нет, не может быть, – сомневался Буба, обеспокоенный такой длительной тишиной. – Кто ее знает, что за думы у этой дурацкой птицы?»

Буба продолжил спуск. Ему не терпелось добраться до заветной пещеры на груди Тик-дага, где свила свое гнездо Патак. Чем ближе он к цели, тем больше вероятности спровоцировать хищницу на нападение. Ведь она, наверняка, прячется где-то рядом, наблюдая за ним.

Вот ступни его уже нависли над верхним краем пещеры... Еще несколько ступенек... Еще немного – и верхний срез пещеры достигнет его груди, а до дна пещеры еще спускаться и спускаться. Как долог этот путь, как бесконечна лестница! Еще немного...

Ноги Бубы стоят на веревочной перекладине, руки крепко прихватывают лестничные веревки.

Главное – не раскачиваться...

«Все же мрачный ты, Тик-даг, слишком суров. Сколько же тепла надо отдать солнцу, чтобы прогреть тебя, черта такого...» Буба поднял голову, окинул взглядом гладкую стену скального обрыва – пройденный им путь.

И тут же шум могучих крыльев ударил ему в уши.

Буба растерянно замер. Мысли его вмиг разлетелись, как воробьи, заметившие приближение сокола. Он суетливо осмотрелся: справа? слева? сзади?

Нет, ничего и никого нет. Показалось? Не-ет! Шум нарастал. Он надвигался на него стремительным смерчем, рождая в сжавшейся душе панику.

От страха Буба потерял способность соображать. До того ли было, когда всего за одно мгновение шум перешел в грозный крик, а потом и в мощный удар в самую макушку. Охотник с размаху шмякнулся о скалу и тут же отлетел от нее, как мячик. Теперь и лоб пронзила тупая боль, будто опытный боксер прицельно залепил ему туда черной перчаткой. В глазах потемнело. Буба задохнулся и замер. Упало и закатилось куда-то сердце. Тело обмякло...

Но затем он очнулся, ощущая на загорбке необычную враждебную тяжесть. Кто-то сидел там, на его спине, и колотил, колотил что было мочи по самой макушке. Безжалостно и методично бил и бил...

«Что за леший?» – не соображая, непроизвольно произнес Буба. Его раскачивало вместе с лестницей как маятник. Его бессмысленный взгляд упал вниз к подножию Тик-дага. А там, у самой синей полосы леса, словно поджидая жертву, разверзлась жуткая пасть страшного чудовища – аждахи – всепоглощающая тьма.

Бубу била дрожь. Однако он не чувствовал ни этой жалкой дрожи его плоти, ни боли в срывающемся сердце. Был только страх... Один страх. Исчезло сознание, осталась форма – форма бывшего человека, Бубы. Форма, наполненная страхом. И в этом страхе не было ни ощущения опасности, с которой надо бороться, ни испуга перед смертью... Ибо смерть человеком осознается.

Но разве Буба в силах был хоть что-то осознать, когда этот проклятый леший, усевшийся на спине, всей тяжестью своей тянет его вниз и долбит, долбит по голове, не давая возможности опомниться. Только шум, гул и страх. Но до смерти еще далеко. Далеко, как до подножия горы.

Но и до жизни так же далеко, как до самого зенита, до бесконечного пространства вселенной... Когда даже поднять голову и посмотреть, даже мыслить невозможно. И это пространство между жизнью – зенитом и смертью – черным провалом внизу, у подножия Тик-дага, – все – сплошной страх. И Буба, у которого, как молнией, парализовало сознание, в его власти. Вот и он находится в той самой точке, откуда расходятся жизнь и смерть. Качается там с лестницей, как маятник, туда и сюда... Между жизнью и смертью. Разве Буба мог раньше гадать, где жизнь, а где смерть?!

А тут еще кто-то сидит на спине, в ярости бьет то по голове, то царапает когтями бока. И силится поднять свою жертву и вознести одновременно то ли в зенит, то ли опустить во тьму. Буба не может понять, кто его так нещадно терзает. Он даже не помнит, как вдруг оказался на этой проклятой лестнице. Видно, все во власти Всевышнего.

И тут им овладела жажда. Страстная жажда. Не в сердце, которого уже не было, не в теле, которое растворилось... Она родилась в страхе, в том самом страхе, который и был Буба. Эта странная жажда – желание прыгнуть вниз. Утопить себя, этот страх, который есть Буба, там в развернутой черной пасти аждаха – тьме. Исчезнуть, спрятаться там... Там внизу, во тьме. Он не может сейчас помнить ни о своем доме-крепости, ни о жене Сейран, ни о своих детях, ни о своей жизни.

Руки Бубы впились, приросли к веревкам. Как бы он не мотался на лестнице тряпичной куклой, отдавшись ярости вцепившегося в спину врага, руки его не оторвать от веревок никакой силой. Даже эта страстная жажда – желание пасть вниз – не властна разжать, оторвать его пальцы от веревок. Они независимо от чей-либо воли, даже независимо от самого Бубы, держат веревки мертвой хваткой. Пальцы сжались до боли. Боль жгучей молнией пронзает его всего, рассекает надвое страх, дав почувствовать Бубе самого себя. Вот она – жизнь – живая кровь бьет и пульсирует в его висках.

И он вновь ощутил свое сердце, больно, тяжко и звучно колыхающееся в груди. Оно колыхалось так, будто хотело оставить тело Бубы и уйти в объятия скалы, найти в монолите Тик-дага за-

щиту и спасение.

Словом, Буба пришел в себя. Но оценить случившееся пока не мог: «Что? Как? Почему? Что они там, наверху, спят что ли? Или не заметили? Но не бараны же там!?».

И словно в ответ на первые его осознанные мысли оттуда, сверху, раздались выстрелы. Однако Патак и не подумала отцепиться от его спины. Удары ее клюва тупо и звонко долбят и долбят голову. Гневается Патак на свой немощный теперь, изуродованный клюв, все яростнее когтит прикрытые прочным брезентом бока Бубы. И чуя бессилие этих попыток, чуть оторвавшись на миг от жертвы, всею силой бьет его каменной грудью в самое чувствительное и беззащитное место – затылок.

Удар оглушил, ослепил Бубу, бросил в отчаяние. Он ударился лицом прямо о скалу. Он ничего не видит. Только через мгновение почувствовал, как потеплело в носу, как брызнула из него кровь.

– Отстань! Отпусти меня! Отпусти! – отчаяние и мольба вырвались с этим криком. Теперь он чувствовал свое тело, перенапряженное, готовое сдаться. Теперь он осознавал предельное напряжение мышц. Он знал силу этих мышц, он всегда надеялся на нее. Она еще ни разу не подводила его, не подвела и сейчас… Буба собрал все свое тело и с силой ударил орлицу локтем. Удар его не принес успеха. Патак только крепче вцепилась в его бока.

Сердце Бубы, исполненное гнева, срывалось, теряло ритм. Оно, казалось, умоляло хозяина: «Не горячись… Спокойно… Ну что ты?». Оно взывало к самой главной силе человека – к разуму. И Буба протрезвел. Он втянул голову в высоко приподнятые плечи, уперся лбом в скалу, стараясь остановить роковую раскачку. И это ему удалось. Он взял лестницу в обхват, прижал обнаженные и уязвимые руки к груди. Он стал сама осторожность: ему надо было сосредоточиться и отдышаться…

Все дело было в том, что Джамал и Сарухан сверху не заметили орлицу. Она воспарила откуда-то снизу, поднялась почти вертикально в восходящем потоке воздуха и внезапно напала на Бубу. Они заметили ее только тогда, когда она впервые на миг отлетела от Бубы, чтобы с разлету ударить его грудью. Как тут выстрелишь. Выстрелить при таком стремительном маневре орлицы они не успели. Да и весь поединок был скрыт от их глаз. Чтобы увидеть что-либо с высоты обрыва, нужно было рискованно свеситься вниз. Какой уж тут выстрел! К тому же пуля могла задеть и сельчанина, ведь орлица буквально сидела на нем. Внезапность событий застала товарищей Бубы врасплох.

Они стреляли в воздух, пытаясь спугнуть орлицу. Они чувствовали свою бесконечную вину перед Бубой и свое полное бессилие, чтобы помочь ему. Лица обоих были бледны. Джамал выпрямился, не зная, что делать. Сарухан все еще сжимал в руках бесполезные булыжники, неизвестно зачем схваченные им. Как все-таки дико: все тот же простор вокруг, все та же тишина, и только оттуда снизу, из-под крутого обрыва доносится до них шум смертельной схватки человека и орлицы. Этот шум вывел Джамала из оцепенения. Жестом отчаяния он вскинул ружье на плечо:

– Все! Будь что будет. Я пошел. Ну, была не была, – он решительно ступил на лестницу.

– Стой! Стой! Это опасно! Дерево может не выдержать! – не своим голосом завопил ему вслед Сарухан.

– Как-нибудь. Выхода нет. Я спущусь и постараюсь пристрелить ее в упор, – торопливо говорил Джамал, уже спускаясь по слегка раскачивающейся лестнице.

– Да стой же! Говорю, дерево не выдержит! Корни… У тебя и страховки нет!

Джамал не слушал друга, его голова уже пропала из виду. А Сарухан, как растерявшийся раздосадованный мальчишка, только и смог, что бросить оземь ненужные камни и плюнуть на них.

…Тем временем Буба уже успокоился, хотя ему было трудно решиться на что-то определенное. Он вжимался в раскачивающуюся лестницу, съеживаясь, чтобы не дать своей противнице нанести более опасный удар. Бессмысленно следил он, как капли крови, идущей из носа, падали вниз на слегка выдающийся уступ пещеры. Патак не отставала: била его как и где могла – грудью и расщепленным клювом, пытаясь когтями разодрать скользкий и жесткий брезент, добраться до теплого человеческого мяса.

И Бубе стало казаться, что она вот-вот доберется. Однако стальные когти лишь скользили по бугрящемуся на нем брезенту. Но ожесточившаяся Патак изобретательна. Вот опять отлетела на миг и бьет грудью в затылок. И гул от этого удара сотрясает все его существо. Он крепче прижимается к лестнице… Еще одна капля крови упала вниз, еще… Упала и разбилась вдребезги.

– Ну, бей, бей, фашистское отродье! Бей, пока утолишь свое поганое сердце! Бей! Хорошо, что я в свое время раздробил твой клюв! Не то уж выжрала бы, поди, мои мозги! – неистово вопил, отбиваясь от орлицы Буба.

Он еще раз попытался оценить свое положение. Ни вверх, ни вниз ему не сдвинуться – тут же будет сбит с ног. Еще упала капля крови. Провожая ее взглядом, Буба заметил над своим коленом взметнувшийся при очередном ударе орлицы кинжал. Как это он забыл о нем! В душе загорелась надежда. Как утопающий за соломинку, Буба, стараясь, чтобы движения его не заметила орлица, потянулся к ножнам кинжала. Теперь он сам резким движением оттолкнулся от скалы и, что было силы, ударил головой Патак. Та отскочила. Самое время для удара! Но тут же вверху на лестнице появились чьи-то ноги.

– Живо наверх! Не смей спускаться! – завопил Буба.

Он знал, что, заметив нового противника, Патак не преминет напасть и на него. Но ведь парнишка неопытен, да и без страховки – в один миг полетит вниз. Буба ожесточил свои нападки на Патак, стараясь отвлечь ее внимание от несвоевременного помощника. Тревожно поглядывая на него и на Патак, Буба потянул кинжал из ножен. Орлица сшиблась с ним, нож тут же выпал из онемевшей руки. Инстинктивно он рванулся было за ним, и тут рука его больно ударилась о перекладину ружья. Буба кое-как подтянул приклад к колену, взвел курок. «Как я мог забыть о ружье?» – думал охотник. В этот момент орлица вновь шибанула грудью. И пальцы, дрожащие, онемевшие, нечаянно сами скользнули на спусковые крючки. В разреженном воздухе оглушительно прозвучали один за другим два выстрела.

В голову Патак ударило пламя. Лопнули ушные перепонки. Обожгло грудь. Адским огнем горела опаленная шея. Все наполнилось запахом гари и пороха. В мозгу зашипел растревоженный муравейник. Все стало рассыпаться. Она метнулась от ненавистного Бубы, стала падать и падать – то ли вверх, то ли вниз, и не было падению конца… Внезапно настала ночь. Мир опустел. Тишина…

И только какое-то въедливое насекомое, словно заползло ей в ухо и тонко поет, зудит изнурительной песенкой: «Тиви-и-ти-ив…в… Ци-иви-ции-ив…» Магический голос. Звук расслабляет и уводит ее в сонную, тяжелую истому: спать, спать… Туда, вниз…

И, рассыпая по воздуху медленно парящие перья, Патак камнем падает вниз.

Бубе показалось, что гора упала с плеч. Он перевел дух и с трудом взглянул вверх. Вверху на лестнице никого не было. Слава Аллаху! Джамал уже стоял на Тик-даге. Буба поспешил спуститься вниз в пещеру. Только сейчас он заметил, что весь буквально в пене, вся одежда его была мокрой насквозь. Дрожащей ногой ступил он на дно пещеры. Охотника на орлицу била нервная лихорадка. Он скинул ружье с плеч и бессильно опустился на твердую теперь опору под ногами. Рывком расстегнул молнию и подставил разгоряченную грудь под доносящийся ветерок. Достал носовой платок, отер им пот, кровь с лица. Наконец он почувствовал облегчение. И снова глаза его обозревали беспредельное пространство. Внизу, у подножья Тик-дага теплилась жизнь: гнали по пыльным дорогам машины, гусиным клином шли по лугу, ритмично раскачивая обнаженные торсы, косари. Взглянул Буба и на мрачные провалы леса, недавно еще так пугавшие его. А там, неподалеку – его село. Жизнь! Вот она – всюду. Заполняет пространство – от маленькой букашки на дне этой пещеры до глубин космоса. Жизнь!

Буба ослаб. Душа его непривычно томилась. И истома эта тянула будто бы все соки. Спать, спать на этом горном ветру, доносящем к нему сладостный запах жизни, ее звуки и шумы.

Эти шумы и запахи складывались в пьянящую музыку, ритм которой задавал стук его собственного сердца. Уснуть, уснуть под этот усмиряющий, умиротворяющий ритм. Снова сердце спокойно и невозмутимо несет кровь по жилам Бубы. Теперь ему казалось, что кровь – это не та жидкость, что падала сюда на уступ пещеры. Кровь – это сама жизнь.

Теплая, теплая жизнь. Алого, ликующего цвета – жизнь!

Несколько минут назад она вытекала из него сюда, сочась по капле. Вот она – капля, отблескивая мрачным мрамором падает вниз. Капля – жизнь! Буба не помнит, сколько их было. Каждая капля – это жизнь с болью выдавленная смертью, усевшейся на горбу Патак.

Патак!

При воспоминании о ней Бубу снова охватила ярость. Он встал, зарядил двустволку и двинулся вглубь пещеры. Ветер уже не доносил сюда дыхание гор. Тяжелый, спертый воздух подступал к горлу тошнотой. Он еще не различал гнезда, но перед ним уже возвышалась, будто на арбе привезенная, куча полусгнивших шкур, костей, рогов… «Тьфу, ну и жизнь же у Патак. Из костей и черепов крепость себе соорудила!» Буба поднялся на цыпочки, разглядывая эту невыносимую гнилую кучу. Тут он и заметил сначала свежую шкуру своего ягненка, а потом и двух орлят, с неохотой поклевывающих развороченную голову погибшего бедняги. Завидев Бубу, орлята тревожно попятились, прижимаясь друг к другу. Буба не выдержал.

– Что, вкусно? Ах вы, хищники, у него, у бедного, тоже была мать! Нате вам, подавитесь! – завопил он и, не целясь, навскидку пристрелил детенышей Патак одного за другим. Выстрелы эхом прокатились по горам. Через мгновение им откликнулись и горы. Буба, неистовствуя, ногами, прикладом ружья сбрасывал и сбрасывал вниз все, накопленное здесь Патак. Потом, не побрезговав, швырнул за ноги и тела ее пристреленных детенышей. Только окончательно очистив пещеру, он поостыл. И тут же снова навалилась усталость. Вновь зарядив ружье, он сел на свое прежнее место на выступе пещеры. Буба не был уверен, что пристрелил Патак. Он знал, что, бывает, орлы пугаются сильного шума. «Может, она просто оглушена? – размышлял он. – Может, появится? Все-таки знает, что тут ее детеныши?» Но, посидев еще немного, он понял, что Патак – по крайней мере сегодня – уже не долетит сюда. День кончался. Пора было отправляться домой.

Кончалось утро. Патак готовилась к полету. Сделала решительный шаг. Птица расправила крылья.

Вот оттолкнулась от скалы, взмахнула мощными крыльями, отыскала поддерживающий восходящий поток воздуха…

Сперва она описала круг над селеньем, потом пронеслась над полями, где знакома ей каждая тропинка, каждый кустик, каждое дерево. Кружила над своими владениями медленно и долго, будто вслушивалась, не донесет ли сюда эхо ее собственный крик. Тот короткий клич, что бросила она когда-то.

Но ее окутывала немая, сплошная тишина. Даже горы не хотели донести к орлице эхо прожитой ею жизни. Все вокруг было глухо, как в ее ушах.

Патак прервала свое плавное парение, круто изменила свой маршрут и черной молнией метнулась туда… Туда, где паслось стадо. Там Буба с помощью сыновей-подростков гнал лениво бредущих с опущенными головами овец в загон.

– Хире! Хире! – кричал Буба, выгоняя ленивых баранов, забившихся в тень кустарника. Буба спешил и пускал иногда матом, а то и просто камнями в непослушных, разбредавшихся овец.

Его мальчишки помогали отцу изо всех сил, перебегая от сопки к сопке, скатываясь по склонам. Наконец, стадо скучилось и двинулось в сторону загона, к берегу реки. Теперь овцы искали укрытия под тенью двух громадных деревьев, что чудом вымахали здесь, у подножья единственной скалы.

– Отец! – крикнул вдруг один из мальчиков. – Смотри, Патак! –Разгоряченная мордашка его обратилась к небу.

– А говорил, что убил ее. Смотри – это она.

– Пристрели ее, отец, – подхватил и другой сынишка, что постарше. – А то утащит у нас чьего-нибудь ягненка, потом отвечай из-за нее.

Буба, не сводя с неба глаз, невольно вскинул ружье, но тут же замер. Зоркий глаз охотника уловил что-то странное в этом полете. Нет, орлы, высматривающие жертву, так себя не ведут. Буба оставил затею с ружьем. Орлица то круто набирала высоту, стараясь подняться, в зенит, то обессиленно падала вниз. Вот поднялась и упала, снова – еще выше поднялась и опять сорвалась вниз. Буба недоумевал: что это с ней. Иногда опасливо проносилось: «Задумала что-то, опять издевается надо мною, дрянь такая…».

Патак продолжала свой необычный полет до тех пор, пока Буба, изумленно следивший за ней, не превратился в ее глазах в крошечное существо, не более собственного клюва. Потом Патак сложила свои крылья, плотно прижав их к телу, и камнем бросилась вниз. Эта маленькая, падающая с зенита точка на глазах Бубы вырастала в грозную надвигающуюся на него силу. Он окаменел, не смея двинуться. Черная стремительная молния облила его душу ужасом. И в тот же миг грудью ударилась Патак о скалу, завертелась…

Волосы Бубы встали дыбом.

Ворохом смятых перьев, кровавого мяса она упала на землю. И ужас, еще недавно владевший Бубой, ледяной волной опалил его мозг, окропив его тело ледяными иглами стального пота. Словно боль прошла. Буба медленно отер холодный пот со лба и бросился к Патак. Орлица, оставляя за собой кровавый след, словно шла на вызов своему врагу, сделала шаг, другой навстречу приближающемуся охотнику и, распластав крылья, рухнула на кровавые камни. Когда Буба подошел к ней, огромное тело Патак вздрагивало от хвоста до кончика клюва. Жизнь прощалась с ней, навсегда оставляя ее могучее тело.

Из открытого клюва на нежные зеленые побеги травы тяжелыми толчками вытекала густая орлиная кровь. Красная, неправдоподобно красная кровь, которая бывает лишь у орлов. Она обагрила камни, но не застывала, точно не разбилась она вместе с орлицей, а впитывалась в каменистую землю.

Буба грустно смотрел на небо, но там было пусто…

Авторизованный перевод с лезгинского Валентины БАРМИЧЕВОЙ

Наталья АНДРИЯНОВА

О Дагестане...

Наталья Андриянова родилась в Смоленске, живет в Нижнем Новгороде, в Дагестан приезжает в гости к друзьям. Решение приехать в нашу республику впервые пришло внезапно, как это свойственно творческим людям: собиралась летний отпуск провести в Адыгее, но в последний момент купила билет в Дагестан.

– Характер у меня кочевой, – рассказывает Наталья. – В детстве с отцом много путешествовали, потом с мужем – он у меня военный.

С Натальей мы познакомились в Союзе писателей Дагестана. Там же состоялась потрясшая ее встреча с Расулом Гамзатовым: его рукопожатие произвело на нее неизгладимое впечатление, так что Дагестан она теперь называет третьей (после Смоленска и Нижнего Новгорода) своею поэтической родиной.

АВАРСКАЯ КОЙСУ

Размыв небес ночную суть
По судьбоносным линиям,
Проходит песенно Койсу
Меж валунов уныния.

Дрожит речьистая гортань,
Боясь сфальшивить, вроде бы,
Вплетая солнца филигрань
В аварские рапсодии.

К тебе стремится и ко мне
Поток лучистой свежести
Знать время –
В мглистой стороне –
Душой в заре понежиться.

* * *

Мне скучен штиль.
Не я его раба.
Душою ту стихию принимаю,
Где сила неуемная сквозная
В любой частице бытия –
Борьба.

Я помню:
Зелень моря истаскал
В бездомье ветер.
Как тогда желанны
Мне стали волн опаловых воланы
В мохнато-диком обрамленьи скал.

Я поплыла.
«Опомнись, наконец!» –
Ты крикнул.
Магнетизм воды бурлящей
Смешал неведомое с настоящим –
Вкушай же, побеждающий пловец!

Власть неба
Над мятежною волной,
Она определяет время шторма.
Мне сладко быть
И сильной, и покорной,
Любить по-ангельски
Иль быть земной.

Нас горячит борьбу
творящий
стиль
Сквозь бездну
сокрушающих
условий.
Но, как со злом,
Ты борешься с любовью.
Зачем? –
Тебе надоедает штиль.

В ХУНЗАХСКИХ ГОРАХ

Шаловливые ветры метко
Алых зорек плетут виньетки.
Мшисто горы глухие теснятся
И дремотны, как старцы, они.
Луч любви у села Арани
Юркнул в жаркое сердце аварца.

* * *

Моя стихия – бег волны –
Непредсказуемый и смелый,
В священных высверках огня,
Слетающих с ресниц Светила
В докучный жизнетленный быт.

В мою стихию окунаясь,
Ты неизбежно прикоснешься
К оттенкам творческой вселенной –
Простым, естественным, как радость,
Непостижимым, как любовь.

* * *

Я с годами не хуже нисколько,
Не исчерпаны дни-медоносы.
Хочешь – месяца мутную дольку
Остротою начищу белесой.

Я откину струю дождевую,
Солнцем в щедрую
будущность глядя.
Все, что выпадет, переживу я
Неразменного счастья ради!

И достану небесную манну –
Бога выпрошу в гиблую стужу.
Для тебя светлой сказкой останусь,
Исцеляющей душу.

В РАЗГУЛЕ ВОЛН

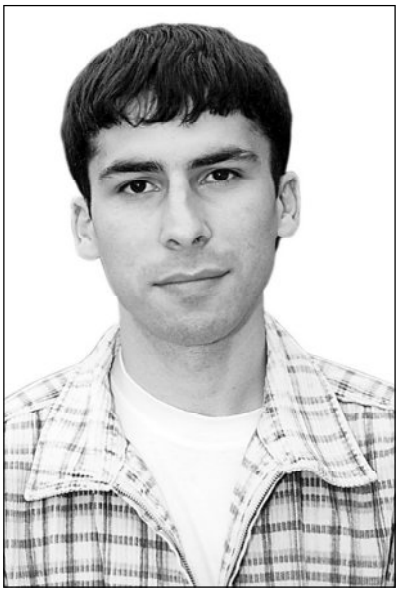
С узорно-облачной
лиловой выси
Закат ступить
на знойный берег
медлил.
Улыбки звезд
из горных тайн
он высек.
Сравнял глубины
теменно
и мели.

И тело вод
лазорево-рябое
Прикрылось флером
лунно-полинялым.
Июльскую
изнеженность прибоев
Как ласки я мужские
принимала.
В разгуле волн,
в их чувственном сцепленье
Морские выгнутые гладила
седины.
И Каспий целовал мои колени,
Как будто жадно любящий
мужчина.

ПРОЗА

Джамал РАБАДАНОВ

Тонкий и Светлая



Такое случается.
Автор

Беззвучно прикрыв за собой дверь, он осторожно вставил ключ в замочную скважину. Щелк! – понеслось эхом по лестничным пролетам. Щелк! – бросилось вдогонку. Он замер, прислушался к звукам – никто не проснулся. Он подождал еще немного и стал спускаться, неслышно ступая мокасинами по ступенькам.

Люди спали. На правом боку. На левом. На животе. Кто-то ухитрялся спать на спине. Тепло укрывшись. Раскидав руки и ноги, скинув с себя одеяло. Мерно дыша. Бессвязно что-то бормоча сквозь сон. Улыбаясь чему-то приснившемуся. Методично храпя.

Сейчас они, наверно, выглядели невинными созданиями, к которым чувствуешь только симпатию. «Утром это пройдет», – подумал он.

Было тихо еще и потому, что отдыхали машины. Даже старый лифт и тот погрузился в сон: в полночь его отключали полусонные лифтерши. Лишь щиты электроэнергии на этажах продолжали усердно гудеть.

Выйдя из подъезда, он направился к шоссе. В руке он держал что-то свернутое и перетянутое резинкой. Одет был несколько опрометчиво для сентябрьской ночи в этих краях, но если его шаги и дальше будут такими стремительными, беспокоиться не о чем: он не простудится.

– Доброе утро. Узнали?.. Долго жить буду. Я сегодня немного опоздаю… Нет, самое большее на четверть часа. Дело в том, что сегодня моя очередь сына забирать из детсада… До встречи.

Она бросила трубку, взяла сумочку и задумчиво оглядела себя в большом зеркале. Поправив челку и смахнув пылинку с рукава, вздохнула: бывает и лучше. Скользя взглядом по комнате, позвала:

– Доедай свой завтрак, солнышко. Нас ждут великие дела!

Когда четырехлетний сын выбежал из столовой, она быстро зашнуровала ему ботинки и схватила курточку с вешалки. Большая дверь цвета кофе с молоком, когда молока совсем немного, сердито захлопнулась за ними.

Спустя минуту–две, она распахнулась, недовольно скрипнув, и впустила в дом хозяйку.

– Нет, я обязательно должна что-то забыть! Иначе это буду не я! – прошептала она.

Ключи от машины, позабытые на столике, тихо звякнули и исчезли в ее ладони. Она снова задержалась у скучного зеркала, сделала гримасу самой себе и направилась к выходу.

Он вышел на проспект. Этот проспект совсем недавно был обновлен и теперь служил предметом гордости городских властей. Пунктир разметки имел не меньше значения, чем боевая ракраска на теле аборигена. С четырехсторонним движением свежеасфальтированная трасса довольно шуршала под колесами. На всем протяжении ее освещали, честно выхватывая у темноты равномерные части, высокие фонарные столбы.

По ту сторону проспекта раскинулся молодой парк с почти безжизненным озером. В смутное время промышленные предприятия пачкали его воду отходами. В конце концов, экологи добились запрета на загрязнение озера, но было уже поздно: в озере не осталось ничего живого.

Еще лет пять назад у его города была дурная слава. Он был неказист и грязен. А по ночам опасно было выходить на улицы: то там, то здесь раздавались крики о помощи и отвратительная ругань, часто звучали выстрелы. Но те времена прошли, в городе навели порядок. Он прихорашивался, образцовые семьи гуляли перед сном по его аллеям.

«Хорошо все-таки», – подумал парень, перешел на ту сторону дороги и зашагал вдоль нее, по тротуару. Он шел в центр города.

Это обычный необычный молодой человек. Он не очень разговорчив и не болеет футболом. Нерешителен и лишен гибкости в своих действиях. Изучает людей и находит их в массе своей далеко несовершенными созданиями. Но в праве на существование не отказывает: он не хочет оставаться в одиночестве.

В очереди к терапевту и на сборах родственников, собравшихся пересчитаться или что-то весело отметить, он похож на потерянную пуговицу, найти которую очень сложно. Внешность совсем не мужская. Тонкий нос, бледный шрам на левой щеке и выдающаяся вперед нижняя часть лица – ничего особенного, если бы не глаза. Глаза, в которых много грусти.

У него тонкие, слишком длинные по сравнению со всем остальным телом руки с длинными аккуратными пальцами и тонкая кожа. «Тонкий человек», – сказала как-то одна его знакомая другой, когда речь зашла о нем. И одной этой фразой можно сказать о нем все.

Он жил ночью. Жил ночью потому, что ему ничего другого не оставалось: его мучила бессонница. Он чересчур чувствителен и впечатлителен для мужчины. Столкнувшись лбом с кем-то на улице, мы больно ударимся, пощупаем лбы, выплеснув эмоции, обругаем друг друга или извинимся сконфуженно. И разойдемся. Спустя минут пять этот эпизод затеряется, затрется среди куда более

важных, которые надо зафиксировать в памяти. И мы забудем о нем. Как всякий нормальный человек. А этот парень сохранит в памяти такой неприятный случай, запомнит выражение лица того, с кем столкнулся, его ругательства – все до мельчайших деталей. И часто будет к нему возвращаться.

Жизнь он сравнивал с несущимся непонятно куда поездом. Друзья – это попутчики по воле жребия. Родные, хочешь ты того или нет, всегда здесь и только иногда уходят. Ненадолго и навсегда. Все остальные созданы, чтобы бороться с тобой за лучшее место в купе и насыщать все вокруг разговорами. И все зачем-то суетятся, копошатся, куда-то спешат. И все безрадостно, бессмысленно, если только…

– Ксана, привет.

– Доброе утро, Ирина Владимировна. Звонили из «Зиганы» и по поводу рекламы в прессе. А кроме того вас шеф спрашивал три раза. И был не в духе. Опять жена, наверно, с утра взбучку задала, – хихикнула рыжая секретарша.

– Соедини сначала с ним.

Она прошла к себе, подняла жалюзи, ткнула пальцем в кнопку питания компьютера и устало опустилась в кресло. Да, она устала. Рабочий день только начался, а она уже устала.

Проторчала полчаса в пробке, потом Мурашка опять не соглашался оставаться в садике. Пришлось заинтересовать его обещанием купить новую игрушку. Зачем ему столько, ступить негде в детской – всюду машинки, напичканные электроникой? Долго не находила места для парковки… Так очень скоро жить расхочется. А если еще вспомнить вчерашний разговор с Русланом…

– Ирина Владимировна?

– Да, Андрей Борисович. Вы меня спрашивали?

– Трижды, пока вы отсутствовали, – пророкотал спикерфон, – хороший пример подаете подчиненным, являясь в одиннадцать…

«В двадцать пять минут одиннадцатого», – заметила она про себя, бросив взгляд на циферблат.

– …Я в недоумении, Ирина Владимировна. По какой причине снижена стоимость двухнедельного отдыха в Чехии, а шоп-туры в Турцию подорожали? Что нас подтолкнуло к этому? И я почему-то узнаю об этом случайно! Я понимаю, вы у нас менеджер, человек во всех отношениях самостоятельный, а я просто главный директор, мелочь какая, но это же не значит…

«Интересно, – подумала она, катая по столу карандаш, – что со мной происходит?..»

– Ирина Владимировна, вы меня слышите?

Вот и мост, который связывает центральную часть со спальным районом города. Под ним – железная дорога с абсолютно параллельными друг другу рельсами. Застучал суставами состав. Это товарный.

Он подождал, пока пройдет последний вагон, перешагнул через рельсы, прошел мимо круглосуточной заправки и вышел на проезжую часть улицы, где блуждало еще больше огоньков такси. Уже не таким уверенным шагом подошел к забору, подступившему к тротуару. За забором была скрыта от постороннего глаза стройка торгового комплекса. Он знал об этом, потому что когда-то готовил материал о строительстве комплекса.

Он поглядел по сторонам. Если не принимать во внимание шмыгающие туда-сюда малолитражки-такси и занятого координацией своих движений пьяного гражданина на той стороне улицы, вокруг – никого.

То, что он нес с собой, оказалось рулоном бумаги формата А3 с каким-то текстом. Он развернул его, вытянул один лист и расправил его на скамейке.

Взволнованными руками он вынул из кармана джинсов тюбик клея «Момент», выдавил его на все четыре стороны расправленной бумаги и прижал лист к доскам забора. Лист не клеился. Он прижал сильнее, разглаживая одной рукой бумагу. Лист не приставал. Тогда он прошел дальше и попытался приклеить его на стену жилого дома, но и тут ничего не вышло.

Парень смотрел на бумагу и чертыхался. Клей «Момент» почему-то не склеивал ватманскую бумагу, названную именем английского владельца бумажной фабрики, с твердой поверхностью. «Слишком плотная бумага, – понял он. – Облом!» Вообще, он матерился в исключительных случаях, и то шепотом. Кажется, наступил именно такой случай.

Когда все листы были аккуратно разорваны в клочья и выброшены в ближайший мусоросборник, он отправился домой, срывая злость на банках из-под пива, разбросанных по улице. Им недолго осталось здесь лежать: до прихода дворников.

«Пожалуй, даже к лучшему. Спать хочу».

– Вы не возражаете? – вдруг спохватилась она, отводя руку с белой палочкой сигареты.

Женщина прикрыла на секунду свои внимательные карие глаза и чуть заметно кивнула. У нее была короткая, но очень особенная прическа и еле заметное созвездие веснушек на лице.

– Прежде я себе этого здесь не позволяла, но сегодня… сегодня мне не до соблюдения этикета, – сказала она. В паузе между словами жадно затянулась и выпустила дым в потолок, рассыпав светлые волосы по спинке кресла.

– Не стесняйся, Ира. Я не запрещаю клиентам курить, но считаю нелишним каждому напоминать: это вредно для здоровья, – улыбнулась женщина.

«С нее нужно иконы писать. Лицо как у святых на образах – строгое, немного печальное, но очень… человечное, что ли», – подумала она, глядя на свою собеседницу.

– Вредно вообще жить.

– Ты так думаешь?

Взгляд обоих глаз сошелся на тлеющем конце сигареты. Тонкий столбик дыма, колыхаясь, поднимался вверх. Изящный палец с покрытым лаком ногтем отбил от сигареты кусочек пепла. Она перевела заблестевший взгляд в окно. За ним росла хилая ива.

– Давай поговорим. О чем ты хочешь? – нарушила молчание женщина с лицом как у святой.

Не отводя задумчивого взгляда, она тихо сказала:

– Об этом дереве за окном. Знаете, почему оно такое невзрачное?

– Почему?

– Это плакучая ива. Она любит воду и хорошо себя чувствует на берегах рек и озер. А здесь ей не место, она очень скоро погибнет. Подъезд к вашему зданию никак не защищен от лучей солнца, да и ваш садовник, судя по всему, плохо ухаживает за деревьями.

Она выдержала паузу и продолжила, неторопливо выговаривая слова:

– Мы похожи с ней. Во мне с каждым днем становится сильнее ощущение, что я не на своем месте. Я живу не своей судьбой. На каком-то отрезке свернула не туда, куда должна была. Вначале, когда я только обратилась к вам по совету друзей, я думала, что это пройдет, что это обычный стресс. И вы, кажется, так подумали. Но это ощущение гораздо серьезнее, оно растет во мне, и это неисправимо. Только, пожалуйста, не говорите мне, что непоправима только смерть: меня уже достали этой фразой. Напоминание о смерти пользы мне не принесет…

Женщина с лицом святой почти незаметно покачала головой. Она вынула из пачки еще одну сигарету и закурила.

– Или вы забыли об этом, или вы очень терпеливый человек… На прошлом при-

еме вы меня старательно приводили в чувство, говорили много жизнеутверждающего и просили в этот раз привести мужа. Сказали, что нужна семейная терапия. Я согласилась, но… позже вдруг поняла, что ни за что не сделаю этого: я не позволю ему проникнуть в свои мысли. Мы – разные, и мне это совсем не интересно. Да, я была так благодарна ему, когда он увез меня из провинциального города, где я родилась, когда дал мне возможность почувствовать уверенность в жизни, когда у нас родился ребенок. Я и сейчас ему благодарна, я его уважаю, но… ни тогда, ни тем более сейчас я не чувствовала с ним самого важного в жизни, того, ради чего стоит жить! Знаете, это когда внутри тебя что-то трепещет, порхает, волнующее тепло разливается в тебе, и все приобретает какой-то неведомый до этого смысл! А сердце стучит так громко, что ты осторожно оглядываешься, не слышат ли его те, кто рядом…

– Ты уже испытывала это чувство?

Она кивнула.

– Хочешь поговорить об этом?

– Не сейчас. Сейчас я хочу говорить о своем муже, – она поджала губы. – Я долго ждала, думала со временем это чувство придет, и я взгляну на него по-другому. Как на по-настоящему близкого человека. И согласилась… Я занимаюсь с ним любовью, когда он этого захочет, потому что чувствую себя виноватой перед этим человеком, что не могу платить тем же. Я продолжаю играть роль состоявшейся жены, у которой умный, красивый, богатый муж – мечта каждой девушки, и чудесный ребенок. Но… не пора ли мне подумать о себе?!

Она тяжело, с надрывом, вздохнула.

– Тогда было уважение, что-то очень дружеское, половое влечение, наконец, но не любовь! Я с трудом сдерживаю раздражение, когда он бросает где попало свою одежду или когда отпускает плоские шуточки, и сам же над ними долго хохочет. На прошлой неделе случилось вот что. Я заметила его носки, брошенные у радиатора. Обычная деталь семейного быта – носки мужа не первой свежести. Коричневые, вывернутые наизнанку. Но я вдруг с такой ненавистью посмотрела на них, что самой стало страшно. Нет, это добрый, заботливый человек, как говорится, пылинки с меня сдувает, он, повторяю, дал мне многое, о чем я мечтала. Но самого главного, ради чего я сейчас готова отказаться от всего… Да, у нас сын. Сын, к которому я не испытываю ничего материнского, представляете?! Я недавно передачу одну смотрела и узнала, что в гипофизе – придатке мозга – есть специальный… участок что ли, который отвечает за инстинкт материнства. Так вот, видимо, он у меня отключен…

Она судорожно сглотнула и стала нервно гасить сигарету в пепельнице. Потом подождала, в надежде, что женщина с лицом как у святой начнет говорить что-то утешающее и поддерживающее, станет убеждать ее в чем-то. В общем, не даст ей признать вслух то, о чем она в последнее время думала постоянно. Но та, не произнося ни слова, продолжала смотреть на нее так, как это умеют делать только святые.

– Понимаете… у меня такое ощущение, как будто это самое важное в жизни я упустила. Оно, очень-очень важное, промелькнуло рядом со мной и… пропало. Я посмотрела ему вслед и пошла дальше. А сейчас спохватилась и ищу. Ищу в себе, не зная, как оно выглядит, но уверена, что узнаю, почувствую. В тумане ищу. Ничего перед собой не видя, не боясь споткнуться и упасть, ощупывая дорогу вытянутыми руками. Прислушиваясь к каждому шороху своей души, к каждому удару своего сердца…

Она вымученно улыбнулась:

– Какая поэтика! Скоро стихами начну говорить.

– Ты обязательно найдешь. Ведь ты, я вижу, очень хочешь этого. А главное в исполнении желаний – захотеть, чтоб было так, как ты хочешь. Разве не так?

Она устало выдавила из себя еще одну улыбку и взглянула на часы.

– Время истекло. Выговорилась и, вроде, полегчало. Когда я могу прийти в следующий раз? Двадцать первого? Это пятница следующей недели? Пожалуйста, примите меня раньше, иначе на вашей совести будет смерть отчаявшейся, блуждающей в потемках, души. Шучу, конечно.

Она улыбнулась уже повеселее.

– В полшестого. Да. Спасибо. До встречи.

Он снова идет по проспекту. Дует холодный ветер, заставляя вздыхать о прошедшем лете деревья. Сверчки переговариваются на только им понятном языке с болтливыми звездами, ни на минуту не перестающими мерцать. Мигают разноцветными глазами светофоры. Сутулые фонарные столбы внимательно рассматривают дорогу двумя глазами-щупальцами. Где-то рядом лают псы-меланхолики.

Осень создает впечатление, что с наступлением темноты город вымирает.

Вот и сейчас ему кажется, что в мире не осталось никого, кроме полуночных такси, ядовито-зеленых гаишников и отчаянных алкоголиков. Впереди как раз показались двое таких, севших прямо на тротуаре. Он весь подобрался и на всякий случай приготовился к разговору с ними. До драки дело вряд ли дойдет: они не в том состоянии, да уже и не в том возрасте, пожалуй.

– …Не-е-е, ты мне скажи, мы как с тобой дого-ва-рива-лись, – язык спрашивавшего, казалось, распух и мешал четко произносить слова. – Мы с тобой решили, что потом пой-дем на озеро. Так?

Второй, часто моргая, кивнул рывком.

– А сей-час что у тебя за тема? Ты же сов-сем…

Он шагал дальше. Мысли сыпались из него как зерно – из продырявленного мешка. Самые интересные он тут же, останавливаясь, записывал в блокнот.

– Да? Быть того не может! Катька, коза ты малахольная! Вспомнила, бессовестная, о своей боевой подруге, да? И где же это вас, барышня, носило?.. На историческую родину, значит, ездили? Ага, с супругом? Могла бы и предупредить меня, я, может, родителям чего отправила бы… Ну, конечно, забыла. И как там? Нет-нет, ничего не рассказывай, у меня сейчас работы – до завтра разгребать… Давай в конце рабочего дня. В половине пятого. В старой доброй забегаловке… И не проси, туда я не пойду! Мне доктора строго-настрого запретили острое. Да, в старую добрую, что на углу. И Пашку позови, вспомним студенческие годы. Ну все, давай…

Она стерла улыбку с лица и повернулась к монитору.

Воспоминание о ней пришло, когда он смотрел на закат, краски которого не передать словами. Он уже бросил курить и работу. Перестал общаться со многими своими знакомыми. И не встречался с девушками, что было всего удивительнее: ведь он считался неисправимым ловеласом.

Почему-то он решил пойти на эту вечеринку. Друзья вначале пытались его расшевелить, одна особенно настойчивая в запахе своих духов девушка долго не оставляла попыток обратить на себя внимание. Он для приличия посидел со всеми полчаса и вышел на балкон.

И вот, стоя на балконе, он смотрел на догорающий закат. Он не морщился от всего разнообразия звуков города. Ему не мешала громкая музыка, что доносилась из комнаты, где веселились его знакомые. Он даже не замечал их, когда они по двое-трое выходили сюда покурить.

Он давно свыкся с тем, что за белой клавишей пианино обязательно идет

черная, что зла в китайской эмблеме вселенского равновесия ровно столько же, сколько добра, что свет дня уступает место темноте ночи. В этом мире такой порядок. Он смотрел на медленно тонущий краешек состарившегося за день солнца и переживал все, что сохранила его память. И вдруг… он вспомнил о ней и вздрогнул.

Это был тот свет, что придает смысл жизни и делает человека счастливым. Свет, который он уже отчаялся найти.

Она была светлая. У нее были светлые волосы, светлое лицо и светлый голос. Это все, что он помнил. На вид ей было столько же, сколько ему. Кажется, она была чуть выше него, но это не важно.

Когда-то, когда он был другим, она впервые появилась в его жизни в виде письма. Он принимал участие в проекте газеты, где начинал работать, который требовал волнующих тем, скандальности и обратной связи с читателем. И он стал первым, кто назвал вещи своими именами и бросил вызов ханжеству. Кажется, так и было написано в том письме. Она похвалила его, но тут же добавила, что это комплимент, и есть куда расти. Обратного адреса на конверте не было, да если бы он и был, он не ответил бы лично. Тогда он был другой и с другой. Тогда он не думал о многом и много.

Потом была встреча с читателями. Он много говорил, ерничал и выделывался. Читатели критиковали и высказывали свои пожелания. Когда она назвалась тем же необычным и забавным именем, каким было подписано письмо, и начала говорить, он долго ловил ее взгляд. Но она не смотрела ему в глаза, и он, недолго думая, переключился на других девушек, производя на них впечатление своим умно-снисходительно-насмешливым взглядом. Он был юн, самодостаточен и дерзок.

Встреча скоро закончилась, все стали расходиться. Он заметил, что она уходит одна, без подруги, без компании друзей. «Может, подцепить? Вроде ничего девчонка», – колебался он, но тут его окликнули молодые журналисты, собравшиеся сегодня загулять. Больше он ее не видел, и очень скоро позабыл.

Она называлась Ёлкой. И от нее было светло.

«Красивые. Кажется, вот эти, с вытянутыми хвостами, называются меченосцами. Они мне больше других нравились».

Она разглядывала большой и яркий аквариум, в котором лениво плавали декоративные рыбки.

«Глаза навыкате… О чем-то, не уставая, болтают беззвучно… Красивые и глупые. Похожи на многих моих подруг… Хотя, это как посмотреть… Может, глупость – как раз то, что со мной творится. Денег на эту жизнь хватает, форму не теряю, сотрудники-мужчины исподтишка на некоторые части тела заглядываются… Муж, опять же – принц нового времени, сын… Друзей больше, чем нужно… Карьера… А ее, видите ли, что-то гложет. Чего-то ей не хватает».

Когда ей исполнилось одиннадцать, родители подарили то, что она давно хотела – аквариум с рыбками. Ночью она долго не могла уснуть и не раз вставала с кровати, включала лампу и восхищенно наблюдала за рыбками. Старательно ухаживала за ними и даже знала их всех по именам, которыми назвала их. Она кормила их лучшим кормом, меняла им воду, но рыбки вдруг заболели чем-то и одна за другой погибли…

Ей вдруг до смерти захотелось встать, взять что-нибудь увесистое и разбить этот большой стеклянный ящик. Захотелось, чтобы он зазвенел и разлетелся на множество кусочков, чтобы хлынула потоком застоявшаяся вода. Чтобы рыбки, еще недавно сонно шевелившие плавниками, забились, затрепыхались на паркете. Пусть это смерть для них, пусть это последние секунды их жизни!

Она резко отвернулась, отпила немного дайкири и стала разглядывать окружающих. Но очень скоро это ей надоело: все посетители кафе были какими-то одинаковыми, и она заговорила с сидевшим напротив худощавым парнем с вьющимися волосами:

– Слушай, а чего тебе не хватает для полного счастья?

Тот ухмыльнулся, глядя куда-то в сторону.

– По минимуму?

– Нет, по полной программе!

– Счастье – это когда твои картины раскупаются, когда ты моден. Не хватает славы и денег. Много денег. Очень много.

– И все? – тихо спросила она.

Парень задумался на секунду-другую, тряхнул головой и рассмеялся:

– Ну да. А что?

– А еще вольным художником себя называет… Человек, по-настоящему творческий, не должен задумываться о материальной стороне жизни.

– Очень смешно… Да, и кроме того мне для полного счастья не хватает обладателя той стиснутой джинсами задницы, что за твоей спиной.

Она вздохнула.

Молчание длилось, пока она вновь его не нарушила, задумчиво вертя соломинку в руках:

– Знаешь, мне иногда кажется, что когда-то мужчины и женщины с рождения знали, кто их любовь на этом свете. А повзрослев, все жили парами, неразлучные как твои попугайчики. И ошибки тут не могло быть: ведь они были созданы друг для друга. А потом создавший их Некто от нечего делать взял и нарушил эту идиллию. Он разделил счастливые пары и велел искать друг друга, бороться за свое счастье. Разделил и разбросал по всему свету. А счастье, в моем понимании, это когда ты находишь свою половинку, кусочек себя. Она твоя и только твоя. Это близкий тебе человек, и это здорово, если он где-то рядом с тобой, а не в другом полушарии. И ему без тебя, наверно, тоже плохо. И его надо искать. Только не все находят.

Она выдохнула последнее слово и взглянула на собеседника. Он перестал разглядывать мужчин в кафе и удивленно смотрел на нее.

– Ирка, ты чего это… Ты давно так?

– Как?

– Ну… такие мысли у тебя давно? А как же твой муж? – удивление на мгновение уступило место на лице гримасе, выражающей крайнюю степень антипатии. – Я его не выношу, конечно, но…

Она молча курила.

– Понятно… Говорил я тебе, еще когда учились, что не пара он тебе.

– Я должна была это сама понять. Знаешь, я сейчас уверена, что свою половинку однажды встретила. Давно. Лет шесть назад. В нашем городе. Встретила и прошла мимо. Не оглядываясь. Видела его однажды и, несмотря на всю его заносчивость, он мне понравился и запомнился. Только я почему-то не захотела себе в этом сознаться. Я часто его вспоминала, но в последнее время он просто-напросто не выходит у меня из головы. Не похож он был на других. Что-то в нем особенное такое было…

С той стороны стола хмыкнули, но она не обратила внимание. Казалось, ей совсем не важно, что думает о том, что она рассказывает, собеседник.

– …Он был мне симпатичен еще до того, как я увидела его. Стебом в своих статьях. Я даже письма в редакцию его газеты писала. Он журналист, кстати. Был, во всяком случае, им. Интересно, он женат? И, вообще, что с ним сейчас?

– И, между прочим, от твоей притчи пахнет гомофобией, – вдруг с недовольным видом произнес парень с вьющимися волосами, – почему только мужчины с женщинами?!

Она фыркнула.

– Надо же, к чему придрался! Ладно, не бери в голову, забудь все, что я гово-

рила… Между прочим, наша барышня заставляет себя ждать!

Только сейчас он понял, что та девушка – это свет его жизни. Он знал это твердо, несмотря на то что плохо помнил ее внешность, не спал с ней ни разу и не изучил ее характер и привычки. Он не задумывался об этом. Он чувствовал сердцем. И для него этого было достаточно.

«Как странно, – думал он, идя по тротуару, – мы по достоинству оцениваем что-то только тогда, когда у нас его нет. Уже нет или еще нет».

Сегодня вечером он снова заперся в своей комнате, достал стопку бумаги формата А3, черный маркер и начал привычно выводить на бумаге жирные черные буквы. Формат А3 – это два листа формата А4, то есть формата обыкновенной писчей бумаги. И она была не такой плотной, как в первый раз. У его младшего брата были маркеры, но он решил, что обязательно нужен новый. Обязательно – черный. Чтобы в глаза бросалось. И купил такой маркер.

На каждом листе он писал одно и то же: «Ёлка, напиши мне…». Дальше шел адрес его электронного почтового ящика, который, как и маркер, возник специально для этого. Слово «пожалуйста» пришлось выбросить из текста: оно не помещалось, потому что он стремился, чтобы буквы были как можно больше.

Раз в неделю, с субботы на воскресенье, ближе к трем часам ночи он выходил в город: расклеивать эти объявления. Таким образом этот парень уже третий месяц искал свою Светлую. У него не было денег на объявления в местных газетах, на радио или телевидении. Это было ему не по карману: ведь он бросил работу и подрабатывал по ночам, охраняя стройку. Суммы, которую он там получал, еле-еле хватало на жизнь.

Тогда он решил расклеивать объявления. Город был не настолько мал, чтобы он без труда нашел девушку, но и не настолько велик, чтобы она не заметила таких объявлений.

Почти все первые листы, появившиеся в самых людных местах города были на следующий же день сорваны расклейщиками афиш. Вместо них расклейщики украсили стены, заборы и тумбы яркими афишами матча между местной футбольной командой и лидером турнирной таблицы. Это немного подпортило ему настроение, но он обладал упрямым характером и тут же решил продолжить таким способом поиски Светлой.

Каждую пятницу он заходил в одно из немногих городских интернет-кафе и проверял свой почтовый ящик. Пока грузилась страница почтового сервера, его сердце билось часто-часто. Волна волнения сбегала с появлением слов «нет сообщений». Он разочарованно закрывал страницу и бесцельно бродил в сети оставшееся время. Два или три письма, полученных от каких-то любопытных людей, вынуждали его ругаться, долго и шепотом.

Иногда его уверенность расшатывала мысль о том, что, возможно, Светлой уже нет в городе. Она могла последовать примеру многих молодых людей, которые уезжали в столицу в поисках работы. Такое развитие сценария было гораздо хуже, чем вероятность того, что она вышла замуж. Он гнал прочь из головы эту ядовитую мысль.

– Моему терпению есть конец! Я сейчас удалюсь…

– Потерпи еще минут десять, Пашка. Если за это время не придет, удалимся вместе.

Он наклеил лист на стене гастронома и отошел, чтобы первым посмотреть на него как на объявление. Гастроном расположился на перекрестке, а рядом с ним находилась автобусная остановка. Место выигрышное, он всегда его использовал.

Если лист не клеился к стене или забору, он приклеивал его скотчем. Скотч предательски трещал в нависшей тишине и привлекал внимание поздних прохожих, но он уже не обращал на это внимание.

Это вначале он боялся быть застигнутым врасплох. Клеил свои объявления дрожащими руками, воровато озираясь. Обходил места, где замечал людей. Ему было стыдно за то, что его не поймут, а, может быть, даже поставят диагноз. «Засмеют. Как я смеялся над тем выжившим из ума стариком, который мелом писал на стенах политическую бессмыслицу», – думал он.

Сейчас ему было все равно, что кто-то редкий, проходя мимо, с интересом смотрит на него и на его объявление. Ночной патруль милиции перестал теребить его расспросами и требовать документы, вглядываясь в лицо. Постовые гаишники уже не крутили пальцем у виска. Он не обращал внимания на них, они привыкли к его причуде.

Он клеил свои листы на трех-четырех центральных улицах, в местах, которые, по его мнению, привлекают взгляд прохожих и проезжающих. Он тихо ненавидел расклейщиков афиш, которые спустя несколько дней безжалостно сдирали плоды его бессонных ночей и расклеивали афиши гастролирующей поп-звезды или объявления об открытии компьютерных курсов…

Осталось наклеить последний лист на фасад центральной библиотекию, и можно идти домой. На библиотеку он почему-то рассчитывал больше всего и иногда клеил сюда по два объявления. А если, проезжая мимо, замечал, что здесь или где-то еще уголок листа отклеился и его треплет ветер, он выходил из троллейбуса и аккуратно его подклеивал скотчем, который всегда имел при себе.

Небо светлело. Проснулись и заспорили о чем-то птицы. Их щебет – это первое свидетельство наступления рассвета. Фонари на столбах уже погасли, как всегда – все вместе, разом, как будто невидимый и очень пунктуальный волшебник гасил их своим заклинанием.

Ущербная луна где-то спряталась, почувствовав приближение солнца. Тут и там незаметно появились дворники в оранжевых безрукавках. Привычно сметая в кучи вчерашний мусор, они начинают новый день. За ними последуют те, кто ведет здоровый образ жизни: передвигающиеся трусцой старики и упитанные тетки, тающие на бегу. А потом на улицах города начнут множиться люди, уже с утра чем-то озабоченные они спешат на работу.

Он любил забираться на вершину покрытой лесом тысячеметровой горы, у подножья которой раскинулся город. Это одно из немногих занятий, что доставляло ему настоящее удовольствие – цепляясь за стволы деревьев, падая и пачкаясь, натирая себе ноги, лезть вверх по неисхоженным, почти крутым склонам.

А в пути он обязательно мечтал. Вернее, воображал. Воображал, что на небольшой поляне, которая сейчас должна показаться за деревьями, он увидит ее. Сидя в густой траве, она будет плести венок из нехитрых цветов и не сразу заметит его. Нет, плести венок – это пошло, она будет просто сидеть и рассматривать путешествующую на своей руке букашку. Он осторожно подойдет и присядет рядом. Она, не говоря ни слова и ничуть не удивляясь, улыбнется ему, а он прочтет в ее глазах: «Ну, наконец-то! Я так долго ждала тебя!». Она улыбнется и возьмет его руку в свою. А он так же молча скажет: «Я столько искал тебя…»

И поцелует ее.

– А вот и наша рыжая!

К их столику, виновато улыбаясь, шла рыжеволосая модно одетая девушка.

– Ирочка! Как же я рада тебя видеть!

– Так рада, что позволила себе опоздать на целых… – парень с вьющимися волосами посмотрел на часы, висевшие на стене, – сорок минут?

– Ну не ворчи, Паша. Дай и тебя чмокну! Знаю-знаю, мой маленький принц, ты

этого не любишь, поэтому и лезу с поцелуями. Опоздала, мой хороший? Я понимаю, ты не совсем мужчина, но ты, наверно, джентльмен и должен закрывать глаза на то, что девушка опаздывает. К тому же у меня уважительная причина.

– Ладно, – неохотно подставляя щеку, произнес парень. – Девушка… Ты ближе к бальзаковскому возрасту, чем к девичьему. Черт с ней, с уважительной причиной! Давай лучше рассказывай, как там дома? Я не про твою уважительную причину сюда пришел. Ничего смешного не вижу!

Она весело смеялась, прикрыв рукой рот и переводя взгляд с друга на подругу.

– Ой, дайте мне отдышаться, и я вам все расскажу!

Дрожа от холода, он забежал в свой подъезд. Дождь промочил его насквозь, и в лифте после него осталась небольшая лужица. С волос стекали капли, а в кроссовках хлюпала вода.

Он не любил капающую воду. Не любил, когда дождь стучит по стеклу. Не любил, когда течет из оконных щелей. А методичность капель из прохудившегося крана точила ему нервы.

Он открыл дверь, стащил мокрую обувь и, несмотря на укоризненный взгляд матери, уже смирившейся с его ночными прогулками, зашел в свою комнату.

«Лишь бы не заболеть», – думал он, засыпая.

– Да, говорю я вам, вырубили все деревья в нашем парке! Старые они, мол, и не декоративные, пух тополиный у кого-то аллергию вызывает. Нового там чего-то насажали. Красиво, аккуратно подстрижено, плиткой уложено, но… – рыжеволосая девушка запнулась, – это уже не тот парк, где мы любили прогуливать пары. И вообще, город изменился. Развиваться стал, всюду что-то строят, все облагораживают, все какие-то деловые стали. Марата видела! Столкнулась с ним на углу. Важный такой стал, с галстуком. В Доме правительства, говорит, работаю. Жена с ним была. Ка-а-к зыркнет на меня! А я, главное…

Она смотрела на свою подругу, но слушала ее уже не очень внимательно. На нее нахлынули воспоминания о студенческих годах, об их родном городе. Когда-то она мечтала уехать из этого захолустья. Хотелось новых знакомств, новых впечатлений, найти себя хотелось. Потом появился Руслан. Настойчивый в своих ухаживаниях… А сейчас она почувствовала острую тоску по родине. Захотелось вернуться домой. Насовсем.

– Ирка, ты меня слышишь? Ау!

– Извини, я о своем задумалась, – сконфуженно улыбнулась она, заметив на себе пристальный взгляд.

– Слушай, – взяв крохотной ложечкой мороженое, сказала подруга. – Я вот что вспомнила… Помнишь, ты себя Ёлкой называла? Тебе они нравились. Особенно голубые. Не в смысле такие, как Паша, а ёлки там, сосенки разные. А от запаха хвои ты просто с ума сходила…

Подруга кивнула.

– И сейчас схожу.

– Так вот, представляешь, иду я по улице, все разглядываю и вижу такое объявление на здании библиотеки: «Ёлка, напиши мне». И е-мэйл. Я записала даже. Подумала, не так много в нашем городе девушек с таким прозвищем. Вполне возможно, что это адресовано тебе. Сейчас найду… Вот. Кто это тебя разыскивает? Я вообще очень удивилась тому, что… Ирка, ты куда?!

Сжав в ладони вырванный из записной книжки лист бумаги, она выскользнула из кафе и, взволнованно стуча каблучками, затерялась на улицах десятимиллионного мегаполиса.

«Все могло быть иначе» – мелькнуло в его голове напоследок.

– Алло! Здравствуйте, это редакция?

– Да.

– А с кем я говорю?

– С ответственным секретарем. Кто вам нужен?

– Мне нужна ваша помощь. Дело в том, что шесть или семь лет назад у вас работал журналист… – она назвала его имя. – Я ищу его.

– Сейчас здесь такой не числится. А шесть лет назад ответственным секретарем был другой человек. От прежнего коллектива почти никого не осталось. Извините, но…

– Прошу вас, это очень важно! Спросите, пожалуйста, у коллег, может, они знают, где его искать.

– Ну раз вы так просите… Может быть, кто-то действительно знает такого.

– …

– Алло, у нас есть корреспондентка, знающая человека, которого вы спрашиваете. Я передаю ей трубку.

– Я слушаю.

– Пожалуйста, скажите мне, где я могу его найти?! Я отправила десяток писем на его электронный ящик, но ответа не получила. Вы не представляете, как он нужен мне… Почему вы молчите? С ним что-то случилось?!

– Вы… Ёлка?

– Да!

– Я – его подруга. Одна из немногих, с кем он в последнее время поддерживал отношения. Почему вы так долго не откликались?

– Я уехала из города пять лет назад. И недавно узнала, что он меня ищет…

– Искал. Он умер.

– Что?!!

– Две недели назад. От воспаления легких. У него было слабое здоровье, но на самом деле он просто устал искать вас… Этот поиск был тем, что как-то держало его здесь. Он много мне рассказывал о вас…

«Я недавно фильм один посмотрел, – рассказывал он подруге, которая пришла проведать его в больницу, – слонялся по городу, проходил мимо кинотеатра, дай, думаю, кино посмотрю. Делать все равно было нечего. Так вот фильм, конечно, дурацкий. Про скаковых лошадей. Но я для себя там такой смысл нашел! Тема такая: был жокей-неудачник с тяжелым характером. Детство у него трудное было, и просто не везло. И была лошадь, такая же буйная. Никого не подпускала к себе, а на скачках вела себя как вздумается. Но выпал случай им встретиться, если так можно сказать. Парень ее приручил к себе, она ему доверилась. С тех пор дела их пошли в гору: один за другим выигрывали они самые престижные бега. А все почему? Потому что они подходили друг другу, и больше никому. Понимаешь? А знаешь, что я в тот же день узнал? В медитациях, оказывается: образ лошади – это твоя девушка… Короче, хэппи-энд. И поэтому, наверно, фильм показался ненастоящим. Ведь в жизни так не бывает… Вот если бы парень спился, а лошадь, допустим, сломала ногу, и ее, из жалости, конечно, пристрелили… Гораздо больше людей впечатляет трагический финал…»

«Прямо какая-то дурацкая трагедия», – сказала она самой себе. Она блуждала по улицам города, ничего перед собой не видя, натыкаясь на прохожих и стены. На ее лицо медленно падали первые в этом году снежинки и, смешиваясь со слезами, быстро таяли.

Мимо нее прошел человек лет сорока, одетый в потертое пальто, ворот которого был поднят. Цвет его лица выдавал болезнь печени. Он был небрит и некрасив. Он страдал близорукостью, и поэтому носил очки. Человек куда-то спешил и на ходу размышлял, на что лучше потратить годовые сбережения: взять путевку в санаторий или купить жене давно обещанную стиральную машину.

Послезавтра он прочтет в криминальной хронике городской газеты, что в номере одной из гостиниц города сотрудниками милиции был обнаружен труп женщины, без признаков насильственной смерти. Как выяснится, это было самоубийство. Две скупые строки.

Он прочтет их, пролистает газету, зевнет и пойдет спать.

ИМЯ

Марьям ХАЛИМБЕКОВА

Иосиф Бродский: возвращение

Совсем недавно само имя Иосифа Бродского было под запретом. А теперь его творчество стало предметом исследования. Обратилась к нему и аспирантка ДГУ Марьям Халимбекова, в свое время окончившая с отличием школу №13 в Махачкале, а затем и филфак ДГУ.

Поэзия Бродского является темой ее диссертации, что сама Марьям объясняет поступательным движением в развитии как общероссийской, так и дагестанской культуры. Ведь Бродский заслужил звание классика мировой литературы. Публикация статьи М. Халимбековой внесет, надеемся, свой вклад в процесс интеграции нашей общей культуры.

Что сказать мне о жизни?
Что оказалась длинной.
Только с горем
я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
Из него раздаваться будет
лишь благодарность.

Иосиф Бродский в свое время был изгнан из Отечества, и даже из родной русской речи, что самое жестокое наказание для поэта. Но теперь пришло время собирать камни, воздавая должное тем, кто составляет славу российской и мировой культуры.

Начинал свою творческую деятельность шестнадцатилетний Бродский в Ленинграде с самых незатейливых стихов. Важно было прокормить семью, а поэзия средств к существованию не давала. И будущая знаменитость за короткий срок сменила около 13 профессий: фрезеровщика, техника-геофизика, санитара, фотографа и т. д. Бродский познавал жизнь в самых разнообразных её формах, требуя от очередного места работы только достатка свободного времени для чтения и сочинительства.

Окончательно укрепился он в своём желании писать после прочтения стихов Е. А. Баратынского. Это подвигло его и на посещение лекций на филологическом факультете ЛГУ, на изучение истории литературы и перевод иностранной. Молодой поэт мучительно искал свою лирическую интонацию, свежую и неожиданную рифму, яркие образы. Но он никогда не терял голову от успеха, любовно и иронично называя свои великие произведения «стишатами».

И уже раннюю лирику Бродского отличала зрелость и индивидуальность, некоторая резкость тона и исповедальная пронзительность:

Ведь если можно
с кем-то жизнь делить,
то кто же с нами
нашу смерть разделит?

К поэту приходит горькое осознание своей смертности, и единственное, что он может ей противопоставить, – это свои стихи. «Рождественский романс», «Шествие», «Одиночество» и другие произведения вышли самиздатом и принесли Бродскому широкую, но негласную известность. Его стиль отличали сжатость, мощь, содержательность, эзоповская иносказательность, афористичность:

Наверно, тем искусство и берёт,
что только уточняет, а не врёт,
поскольку основной его закон,
бесспорно, независимость деталей.

Бродский блестяще соединил в своих произведениях классический стих и современное стихосложение. Его учителями и товарищами были Евгений Рейн, Анатолий Найман, Дмитрий Бобышев. Бродский был знаком и с Анной Ахматовой, которая сразу разглядела в нём незаурядное дарование.

Хотя Бродский никогда не писал сатирических памфлетов на Советскую власть: «Отчизне мы не судьи. Меч суда / погрязнет в нашем собственном позоре: / наследники и власть в чужих руках…», но поэту не могли простить независимости в жизненной позиции, что было вызовом среди всеобщего страха и раболепия. 29 ноября 1963 года в газете «Вечерний Ленинград» вышла статья «Окололитературный трутень», где о Бродском и его единомышленниках было сказано следующее: «… Он подражал поэтам, проповедовавшим пессимизм и неверие в человека, его стихи представляют смесь из декадентщины, модернизма и самой обыкновенной тарабарщины…». Заканчивался этот пасквиль призывом: «… надо перестать нянчиться с окололитературным тунеядцем. Такому, как Бродский, не место в Ленинграде… пусть окололитературные бездельники вроде Иосифа Бродского получат самый резкий отпор».

«Борцы за культуру» называли поэта «тунеядцем», а его стихи «тарабарщиной», потому что не имели никакого представления об этой самой культуре. Или же, напротив, поняли весь масштаб расцветающего таланта и испугались его неуправляемости: творчество Бродского всегда «выходило из берегов», не укладываясь в рамки соцреализма.

Поэта стали упорно и целенаправленно травить, – так, как умеют это «профессионально» делать только в России и только по отношению к незаурядностям. Бродский некоторое время скрывался в Москве, избегая ареста, но известие о предательстве его невесты Марины Бас-

мановой и Бобышева толкнуло его на безрассудство: Бродский вернулся в Ленинград. Его сразу арестовали, но убитый горем поэт мог думать только о своей личной драме. В его стихах навсегда поселился образ любовного треугольника и горькая интонация:

Как жаль, что тем,
чем стало для меня
твое существование, не стало
моё существование для тебя…

Разочарование в социальном строе совпало с поражением в любви: это были для него чёрные дни, родившие много безрадостных строк: На прощание – ни звука.

Граммофон за стеной.
В этом мире разлука –
Лишь прообраз иной.
Ибо врозь, а не подле
Мало веки смежать
вплоть до смерти. И после
нам не вместе лежать.

После поспешного закрытого судебного разбирательства поэта поместили в психбольницу, где он подвергался издевательским экспериментам около месяца, но был, наконец, признан психически здоровым. Дни, проведённые в этом невесёлом заведении, Бродский позднее отразил в одной из лучших своих поэм «Горбунов и Горчаков»:

Больница. Ночь.
Враждебная среда…
Всё это не трагедия… К тому же
и приговоры Страшного Суда
тем легче для души моей, чем хуже
ей было во плоти моей… Всегда,
когда мне скверно, думаю, что ту же
боль вынесу вторично без труда.

Вскоре состоялся второй открытый суд. Решение было следующим: высылка на 5 лет с обязательным привлечением к труду.

Ссылку поэт отбывал в Архангельской области, в деревне Норинской. Относились к нему там хорошо, не подозревая в вежливом и неприметном юноше будущего Нобелевского лауреата, увековечившего позднее их Норинское. И всё это время с ним была его верная подруга – печатная машинка – помогавшая появлению незаурядных стихов: «Я заражён нормальным классицизмом / А вы, мой друг, заражены сарказмом…», «Два часа в резервуаре» («Я есть антифашист и антифауст. / Их либе жизнь и обожаю хаос…»), «Новые стансы к Августе» («Здесь, захороненный живьём, / Я в сумерках брожу жнивьём, / сапог мой разрывает поле, / бушует надо мной четверг…»).

«Я разогнался слишком далеко, и я уже никогда не остановлюсь до самой смерти, – подводил итог ссылки Иосиф Бродский. –… Я чист перед Богом (и перед землею), потому что я поступал так, как это нужно было небу».

В 1965 году под давлением мировой общественности срок высылки Бродского был сокращён до уже отбытого (1 год и 5 месяцев), и в том же году в Нью-Йорке вышла его первая книга «Стихотворения и поэмы» на русском языке. Бродский занял прочное место среди других гениев: Цветаевой, Ахматовой, Мандельштама, Есенина, Пастернака.

Но злоключения неугодного власти поэта на том не закончились: советские спецорганы подготовили его высылку за рубеж. Жестом отчаяния стало письмо Бродского к Брежневу с просьбой разрешить ему публиковаться в русских изданиях: «… Я принадлежу к русской культуре, я осознаю себя её частью, слагаемым, и никакая перемена места на конечный результат повлиять не сможет. Язык – вещь более древняя и более неизбежная, чем государство. Я принадлежу русскому языку, а что касается государства, то, с моей точки зрения, мерой патриотизма писателя является то, что он пишет на языке народа… а не клятвы с трибуны…. Я никогда не чувствовал себя обиженным Отечеством… Ибо, переставая быть гражданином СССР, я не перестаю быть русским поэтом. Я верю, что я вернусь; поэты всегда возвращаются: во плоти или на бумаге… Я прошу дать мне возможность и дальше существовать в русской литературе, на русской земле…».

Но голос поэта в России редко когда пробивался к властьимущим: Бродского выставили за порог как паразитирующего отщепенца и вредителя. Родина оказалась злой мачехой для того, кто прославил её имя и её язык:

Империя – страна для дураков.
Движенье перекрыто по причине
приезда Императора. Толпа
теснит легионеров, песни, крики;
но паланкин закрыт. Объект любви
не хочет быть
объектом любопытства…

Бродский обосновался в США, в Анн Арборе. Именно здесь реализовались все возможности его творческого роста. Русский эмигрант быстро овладел иностранным языком, создав вскоре на нём замечательные стихи и эссе, так что произведения Бродского – это яркий пример двуязычного творчества и бесконечного самосовершенствования. Он преподавал в Мичиганском университете, занимая должность профессора славистики. Его не покидала надежда перевезти к себе родителей, но советское правительство запретило им выезд в США. Сыну-изгою не было позволено даже приехать на их похороны. Этот печальный факт стал одной из главных причин нежелания Бродского вернуться на Родину уже тогда, когда путь туда открылся:

Теперь уже и вправду – навсегда.
Ведь если может человек вернуться
на место преступления, то туда,
где был унижен,
он придти не сможет.

В 1972 году в Анн Арборе вышел первый сборник Бродского на русском языке «Остановка в пустыне», в который вошли такие шедевры, как «Рождественский романс», «Большая элегия Джону Донну», «Холмы», «Стихи на смерть Т. С.-Элиота», «Горбунов и Горчаков» и др.

Бродского приняли почётным членом в Американскую Академию искусств, а в 1977 году вышли два важнейших его сборника: «Конец прекрасной эпохи» и «Часть речи».

Поэт перенёс операцию на сердце, но продолжал активную творческую деятельность. Его публичные чтения неизменно собирали полные залы, его интервью становились самостоятельными произведениями. Он был замечательным и неистощимым рассказчиком, обладавшим энциклопедическими познаниями в самых различных областях искусства и мировой литературы. Среди его любимых авторов были У. Оден, Д. Донн, Спендер, Т. Элиотт, Цветаева, Платонов… Он мог бесконечно цитировать их и блестяще их анализировал. Данью Баратынскому стал его сборник «Урания».

В 1986 году английская книга Бродского «Less then one» («Меньше единицы») была признана лучшей литературно-критической книгой года в США. О своём изгнании поэт писал следующее: «Те пятнадцать лет, что я провёл в США, были для меня необыкновенными, поскольку все оставили меня в покое. Я вёл такую жизнь, какую, полагаю, и должен вести поэт – не уступая публичным соблазнам, живя в уединении».

В декабре 1987 года сорокасемилетний Бродский был награждён Нобелевской премией по литературе, став, таким образом, третьим русским поэтом, удостоенным такой чести вслед за Буниным

и Пастернаком: «за всеохватное авторство, исполненное ясности мысли и поэтической глубины». Бродский стал одним из самых молодых лауреатов Нобелевской премии за все годы её присуждения. Отвергнувшая его Родина могла гордиться им издали.

В прочитанной «Нобелевской лекции» Бродский затронул проблему независимости творческой личности, отозвался о преемственности и моральных обязательствах, трагичности бытия и уроках истории будущим поколениям. Он заявил: «Оглядываясь назад, я могу сказать, что мы начинали на пустом – точнее на пугающем своей опустошённостью месте. И что скорее интуитивно, чем сознательно, мы стремились именно к воссозданию эффекта непрерывности культуры, к восстановлению её форм и тропов, к наполнению её немногих уцелевших и часто совершенно скомпрометированных форм нашим собственным новым, или казавшимся нам таковым, современным содержанием…».

Последующие годы были столь же плодотворны для поэта: «Речь на стадионе», «О скорби и разуме», «Altra Ego», «Профиль Клио» – вот неполный перечень его лекций и эссе. Ещё большее место в его жизни после получения Нобелевской премии заняла забота об иммигрантах из России: писание рекомендаций, телефонные звонки, визиты к нужным людям и т. д. Бродский помог очень многим, но не все «удостоили» его даже элементарной благодарностью: да он и не нуждался в ней.

Поэт дико уставал от этой суеты, далёкой от его любимой литературы: хлопоты занимали всё больше времени, а на творчество его оставалось всё меньше. Его окружали просители, а доморощенные писатели и поэты забрасывали его письмами со своими произведениями, на которые Бродский считал своим долгом отвечать. Вскоре одиночество стало недостижимой мечтой, а о покое он и думать забыл.

В Париже в 1991 году Бродский познакомился с итальянской аристократкой Марией Соззани и женился на ней. Это была первая любовная удача после несчастливого романа с Мариной Басмановой, отравившего на многие годы воспоминания поэта. В 1993 году у супругов родилась дочь Анна Александра Мария, безмерно осчастливившая своего немолодого отца. Казалось, его личная жизнь, давшая когда-то трещину, начала, наконец, налаживаться.

С 1991 года Бродский стал профессором литературы в Саут-Хедли, а затем был назначен Поэтом-Лауреатом Библиотеки Конгресса США. Выступал с авторскими вечерами в Англии, продолжая много и талантливо писать. Пётр Вайль так отзывался о Бродском: «Я не встречал в жизни человека такой щедрости, тонкости, заботливой внимательности. Не говоря о том, что беседа с Бродским – даже простая болтовня, хоть бы и о футболе, обмен каламбурами или анекдотами – всегда была наслаждением… Он знал любовь, дружбу, семейное счастье. Знал множество житейских радостей: с удовольствием водил машину, ценил вино, разбирался в еде, не пропустил ни одного кафе в Гринвич-Виллидже, восхищался Мэрилин Монро и Хэмфри Богартом, слушал своих излюбленных Перселла и Гайдна, смотрел первенство мира по футболу, и летом 94-го года мы подробно обсуждали каждый игровой день».

В мае 1995 года к пятидесятипятилетию поэта в Санкт-Петербурге журнал «Звезда» организовал международную научную конференцию, посвящённую творчеству Иосифа Бродского. Тогда же А. Собчак подписал указ о присвоении поэту звания почётного гражданина Санкт-Петербурга. Поэтесса Татьяна Вельтская посвятила изгнаннику такие строки:

Перед тобой виновная земля
Тебя не ждёт и тяготится нами,
Поскольку тени в вытертых пальто
Ни встречи не достойны, ни разлуки.
И только тем знакомы небу, что,
Не удержав тебя, разжали руки…

Бродский так и не приехал на Родину. После встречи с Собчаком, который настойчиво приглашал его в Петербург, Бродский вначале согласился, но затем написал мэру письмо с отказом: «… Меня коробит от перспективы оказаться объектом позитивных переживаний в массовом масштабе… Бог даст, я появлюсь в родном городе; видимо, это неизбежно. Думаю, что лучше всего сделать это в частном порядке, не производя слишком большого шума…».

Незадолго до своей смерти Бродского захватила идея основать в Риме Русскую академию, которая дала бы русским писателям, художникам и учёным возможность жить некоторое время в Риме и заниматься своим творчеством. Он составил жюри и отобрал консультантов, разработал теоретическую основу для этого заведения, но не успел завершить всё это на практике.

Иосиф Александрович Бродский умер в возрасте 55 лет, 28 января 1996 года. В это же день скончались Пётр Великий и Достоевский, а 29 января – Александр Пушкин – трагические и знаковые совпадения…

Он шёл умирать. И не в уличный гул
он, дверь, отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые владения смерти.
Он шёл по пространству,
лишённому тверди,
он слышал,
что время утратило звук…

Бродский нашёл свой последний приют в Венеции. Даже прах его не вернулся на Родину. Было ли это результатом обиды на прижизненную травлю, которой его предавали? Вряд ли. Поэт любил Венецию именно потому, что она напоминала ему родной Ленинград.

Век скоро кончится,
но раньше кончусь я.
Это, боюсь, не вопрос чутья.
Скорее – влияние небытия
на бытие: охотника,
так сказать, на дичь, –
будь то сердечная мышца
или кирпич…

Сердце поэта – самое уязвимое место. Иначе не родилось бы у Бродского столько пронзительных стихов, свидетельствующих о его глубоком одиночестве и ранимости. Но вместе с тем поэт сохранял удивительное мужество и независимость там, где ломались люди физически покрепче его. Тоталитарная система не сокрушила ему позвоночник, но выдворила из родной страны. Зато на чужбине Бродский получил возможность творить на родном и английском языках.

Бродский был тонким эссеистом, поэтом-новатором, философом и стоиком. К счастью, он при жизни получил признание и свою главную награду – Нобелевскую премию. Но он всегда остро переживал свою оторванность от родной языковой среды. Теперь его произведения возвращаются: возвращение Бродского-человека было невозможно, – возвращение Бродского-поэта состоялось. Да будет так.

Глушёною рыбой всплывая со дна,
кочуя, как призрак – по требам,
как тело, истлевшее прежде рядна,
так тень моя, взапуски с небом,
повсюду начнёт возвещать обо мне
тебе, как заправский мессия,
и корчиться будет на каждой стене
в том доме, чья крыша – Россия.

Тагир БИЖАМОВ,
ст. преподаватель кафедры гражданского права ДГПУ

Сочинения Эвлия Челеби

Знаменитый турецкий путешественник и видный географ Эвлия Челеби написал десятитомную «Книгу путешествия», содержащую огромный фактический материал, который используют ученые и по настоящее время. Извлечения из 2-го и 7-го томов этого труда, где даётся описание земель Северного Кавказа, Поволжья и Подонья, изданы на русском языке отдельной книгой. Эти края автор посетил дважды – в 1641-1642 и в 1666-1667 гг.

Эвлия Челеби был высокообразованным для своего времени человеком и, что не менее примечательно, – был очень наблюдательным и чрезвычайно любознательным путешественником. Он скрупулезно фиксировал чуть ли не всё, что видел и что слышал от местных жителей и попутчиков, в том числе фольклорные источники (устные рассказы, предания, легенды).

В кумыкских, например, песнях, особенно относящихся к средним векам, нередко упоминаются реки, населённые пункты, земли вроде бы достаточно далекие от Дагестана: Эдиль (Волга), Дон, Астрахань, Кабарда, Крым… Однако это не случайно. В указанное время и очевидно в более ранние периоды политические, экономические и культурные связи кумыков с северными регионами были довольно тесными. Да и граница Дагестана, в том числе и Кумыкии, простиралась более севернее, чем ныне. Об этом свидетельствуют архивные материалы, разные хроники, записи путешественников.

Так, Эвлия Челеби писал: «В настоящее время между Персидской землёй и этой горой Эльбрус есть царство, называемое Дагестанской страной. Дагестан расположен у подножья горы Эльбрус и состоит из семи санджаков. Падишахов этих санджаков называют шамхал-ханами. Но хутба здесь читается и на (дагестанского – **Т.Б.**) падишаха, который, однако, не владеет правом чеканить свою монету…»

В другом месте своей книги Челеби, говоря о Малой Кабарде, пишет: «Эта страна и представляет собой изначальное Дагестанское падишахство, которое называют Таусултан. Но так как (ныне тот город – **Т.Б**) потерял свою силу, то его бея не называют шамхал-шахом. Но именно здесь находилась древняя столица Дагестана».

Э. Челеби пишет о высокой роли духовенства в управлении Кумыкией, отмечая при этом строгую «субординацию» и обязанности каждого представителя власти: «…в этой стране закон находится в руках мусульманских богословов. …даже шейхульисламы четырёх толков садятся выше падишаха. А кадиаскер (верховный судья – **Т.Б**) садится ниже шамхал-шаха. Представители знати садятся напротив шамхал-шаха. А визирь его Таки-хан прислуживает ему стоя. У того визиря имеется три тысячи воинов. И чтобы муфтий, накыбы (глава племени – **Т.Б.**) и кадии получали, как в Турции, за свою службу триста или полтораста акче – такого нет и в помине. Каждый, кто знает шариат и является начитанным улемом, может стать муфтием или кадиаскером. А без этого там не дают постов разным Али-заде, Хашим-заде, Мемек-заде и подобным им высокородным дуракам».

Челеби также пишет, «что собственно Дагестанская страна… заключает в себе семь ханств», и описывает этикет и установленные во дворце правила приёма высокопоставленных гостей, свидетельствующие о существовании в шамхальстве достаточно древних, хорошо устоявшихся «дворцовых традиций»: «Правители упомянутой страны, состоявшей из семи ханств, все прибыли в город Тарки, целовали почтенную руку нашего законного хана (имеется в виду смещённый турецким правительством крымский хан Мухаммед-Гирей IV, с которым в 1666 году Э. Челеби выехал в Дагестан. – **Т.Б.**) и удостаивались почётной беседы, а имена их следующие. Прежде всего, его (шамхал-шаха) визирь – Таки-хан. Упомянутый хан знает наизусть Коран, он стар и благочестив. За ним следуют: хан – владетель Карабудаг, Улу-бей, Али-бей, Касым-бей, Казаналып-бей, Мухаммед-бей, Илкас-бей, Ливарди-бей, Хайдар-бей, Халиль-бей, Чубан-бей, и ещё имеется множество беев. Им принадлежит власть. Ни один приём не обходится без появления шамхал-султана. Они называют это появлением на ханском собрании. В нём представлены все ханы – правители страны. А потому оно объявляет о любых благотворительных учреждениях для бедных города Тарки».

О других государственных образованиях равнинного и предгорного Дагестана можно судить по описанию главных их городов (сёл – **Т.Б**).

«Свойство новой столицы…града старинного и обширного Эндери»

«Этот город древний, средоточие мудрых, источник совершенств, обитель поэтов и умиротворённых. Он построен в шестом поясе, и поэтому его ученые обладают мудростью арабов и великими знаниями. Искусные врачи и спускающие кровь хирурги несравненны. И всё население знает языки персов, грузин, черкесов, кумыков, калмыков, кайтаков, моголов, боголов, хещдеков, русов, московитов, лезгин, кыпчаков, чагатайцев и разных прочих народов…»

По поводу мест поклонения

«Отметим прежде всего гробницу султана шамхала Такиуддин-хана, гробницу шамхала Мутемадуддина… Всего, по неполным сведениям, по сей год в городах Эндери, Тарки и др. было похоронено сорок семь шамхалов-ханов. Они покоятся и под великолепными куполами и в цветущих местах, без куполов. Кроме того, мы посетили (могилы – **Т.Б**) многих святых Аллаха, великих Эль-хаджи Джема, Хаджи Ясеви-султана, Хаджи Абдаллаха Ташкенди…»

«Прекрасная крепость Койсу»

«Эта крепость с давних времен принадлежит шамхал-шахам. В крепости имеется эмир и кадий. Под властью её хана находится три тысячи солдат. Эта мощная крепость построена кругообразно из камней на скале с крутыми склонами. В крепости имеется комен-

дант и охрана, состоящая из трёхсот ясаулов. Этот город находится на берегу реки Койсу…

В этой крепости имеются двое ворот. Одни ворота обращены на север и называются Эндери, другие более широкие ворота обращены на горы Сунджа. Ниже этой крепости, на берегу реки Койсу, находится достойный хвалы пригород. В этих краях кварталы, которые находятся за крепостными стенами, называют зиршехиром, кендом, то есть пригородом, а не вирошем. В благоустроенном пригороде много садов, есть проточная вода. Всего здесь имеется двадцать семь мечетей. Из них семь – соборные…

Здесь пятничные хутбы посвящаются местным правителям, но в некоторых мечетях упоминаются и имена османских султанов. Я затрудняюсь письменно изложить текст их хутбы… За процветание и непобедимость дома Османа по всему Дагестану сорок раз читают Коран. Османским султанам, как властителям Мекки и Медины, оказывают почести…»

«О Хайдаке – прекрасном, древнем городе и большой стране…»

«Эта (страна – **Т.Б**) тоже находится под властью дагестанского падишаха и представляет собой самостоятельное ханство. Беем её является Улубей-хан, и под его властью находится три тысячи воинов. Среди них есть джигиты-азнауры из Грузии. Имеются кадий и муфтий. Других высокопоставленных начальников нет. Страна разделена на семь округов. Главный город находится на берегу Каспийского моря. Наиболее благоустроенная часть города – это гавань. Основное население – кумыки, кайтаки, лезгины, гёк-дулаки».

«Прекрасная страна, город Карабудакхан»

«…Карабудак, представляющий собой одно из семи ханств Дагестана, разделён на семь бейств и семь кадийских владений…»

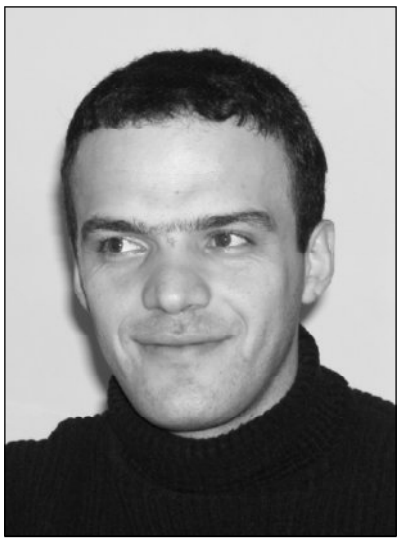
* * *

Даже эти, далеко неполные выдержки из сочинения Э. Челеби свидетельствуют о большом значении этого труда для дагестановедов. Остается надеяться, что при дальнейшей работе ученых над созданием истинной истории нашей республики сочинение турецкого путешественника будет использовано эффективно, с пользой для воссоздания наиболее полной картины нашего прошлого.

ПОЭЗИЯ

Тимур РАДЖАБОВ

А город нами правил...



ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ В ОТДЕЛЕНИИ МИЛИЦИИ

Я приехал в столицу –
столицу самой себя.
Осторожно, – сказала Москва, –
закрываются двери.
По-отечески нежно, без шуму,
почти любя,
На запястья мои два браслета
стальных надели.
Посмотрели в зрачки, заглянули в
штаны, окрестили бандитом.
И спросили: «Пардон, а чего твоя
рожа небрита?»
«И еще, – продолжает досмотр
сержант поддатый, –
Я хотел бы увидеть, опять же пардон,
мандаты!» –
«Извини, дорогой, я всего два часа
в златоглавой.
Отчего как лиса на ворону глядишь
лукаво?
Или, может, в носках обнаружил
ведро героина,
А в кармане моем бандитская
мина?..
Вот, возьми на пузырь – мне не жаль,
только Богу видно,
За Державу, сержант, за Столицу свою
обидно!»

* * *

Я жил один – берёг покой и силы,
На ветер не бросал высоких слов.
Не в добрый час, как видно, посетила
Мой дом нерасторопная любовь.

Не ведала она моей печали,
Не слышала признаний в тишине,
Глаза ее волшебные молчали,
И даже далеко не обо мне.

Когда не надо ни огня, ни власти,
Ни друга верного, ни звонких строк,
Скажи, любимая, что значит слово
«счастье»?
Скажи, любимая, что значит слово
«Бог»?

ЛИТИНСТИТУТ

Медвежью навещать берлогу
Не вредно одному лишь богу.
Меня-то что звало в дорогу
Из полусвета в полутьму?
Москва учила понемногу,
Легко, наглядно и всему:
Шутил, курил, ругался матом,
Красавиц ветреных любил.
В груди трещал немирный атом:
И черт не свят, и свет не мил…
А город нас и нами правил,
Легко читая между строк,
Теплохранителя направил
На общежитский огонек:
«Не пить Туманову портвейна,
Чтить Николаеву и Рейна,
Раджабова – в три шеи снова –
Лентяй и эпигон Крылова…»
И думал я, судьбу кляня, –
Опять на линии огня.
И нету выбора иного –
Поэт – извечный баламут.
А с языка все то же слово:
Да здравствует Литинститут!

МАМЕ

Ошибался, бывало,
Ты меня понимала,
И морщинок немало
Я тебе причинил.
Разговоров не слушай –
Только мелкие души
Говорят, что я – худший,
Что себе изменил.

«ХОРОШИЕ» ПАРНИ

Хорошие парни не пьют самогона,
Хороших парней ожидает Парнас,
Сонеты Петрарки, труды Цицерона,
И Пушкин для них, что для юнги
компас.

Хорошие парни впадают в унынье,
Едва прогремит
и окончится бой,

И, словно отец среди дочек о сыне,
Мечтают о славе, о славе земной.

Хорошие парни сбиваются в стаю
И чуждая мысль повергает их в шок –
Хорошие парни доподлинно знают,
Когда и зачем им пора на горшок.

Хорошие парни веселого нрава,
Не топят несчастья в презренном
вине…
И все же, и все же не хочется, право,
Таким же «хорошим» заделаться мне.

ПИСЬМО СЕСТРЕНКЕ

Моей сестре Альбине

Здравствуй, милая сестренка,
Как твои дела?
Бегала вчера ребенком,
Нынче – расцвела.

Там, в заснеженной России,
Под луной Москвы
С зонтиком твоим косые
Дождики на «Вы».

Нипочем тебе ненастье,
Шум небесных рек.
На губах твоих от счастья
Тает белый снег.

Разве это расстоянье –
Сотни городов.
Истина, а не преданье,
Мамина любовь!

Утро, день и каждый вечер
Молится за дочь,
Дарит радостные встречи
Сновиденье в ночь.

Мысли лучшего джигита
Дочери верны:
«Всем невестам – сеньорита» –
Утверждают сны.

Разве это расстоянье –
Сотни городов.
Истина, а не преданье,
Мамина любовь!

САТИРА И ЮМОР

Георгий КАЛАНДЖИ

КЛАД

Перед кончиною своей
Позвал к себе крестьянин сыновей:
– На огороде, там, где виноград,
Зарыл я, дети, как-то клад.
И сыновья, взяв заступы, лопаты,
Перекопали каждый клок земли.
Тот клад, конечно, не нашли,
Зато собрали урожай богатый.

Пусть ваши сыновья своим передадут:
Для человека клад ценнейший – труд.

ВОРОНА И ЛИСА

Ворону снова встретила Лиса,
И снова те же повторились чудеса:
Плутовка старую запела песню,
Ворону сладкой опьяняя лестью.
И вновь на землю сыр упал…
Но тут совсем другой финал:
Плутовка сыр добытый съела
И околела.

Льстецы ничтожные! Так вам и надо:
Пусть ваша лесть всегда вам будет ядом.

УТЕШЕНИЕ

– Что бурок настригли со шкуры
моей… –
Вздыхал безутешно о доле своей
Остриженный наново голый баран.
– Напрасно ты тужишь, – утешил
чабан, –
Голёшенек весь ты,
Ну что из того?
Когда тебя скоро съедим самого.

ВОЛ И ОСЬ

Вол воз тянул.
На вид он и не воз – возок,
Но тяжек груз, и Вол весь взмок.
«Не дотяну…» – на миг какой-то
дрогнул Вол,
Но, поднатужившись, за шагом шаг –
пошел.
А сзади Ось – все скрип да скрип,
А в уши лезет: «Влип ты, влип».
«Да не стони, – ей Вол, – кому
труднее?
Не ты, а я тащу ярмо на шее.
Уймись! От скрипа твоего в ушах
свербёж…»
А Ось свое скрипит: «Не довезешь».

И среди нас бывает так порой:
Один, уйдя в работу с головой, –
творит,
Другой – задами ходит и скрипит.

НЕМОЙ УКОР

– Когда проходим мимо кладбища с
тобой,
Ты ускоряешь шаг и взгляд отводишь
свой.
Боишься мертвецов? Какой ты, право,
трус!
– Нет, батенька, лежащих там
стыжусь,
Себя неловко чувствую пред ними я,
Ведь многие из них лечились у меня.

СОБЫТИЕ

Корабль имени Расула

27 января, когда этот номер журнала был уже сверстан, одному из пограничных сторожевых кораблей, базирующихся на Каспии, было присвоено имя народного поэта Дагестана Расула Гамзатова. По этому случаю в Шестой отдельной Каспийской бригаде пограничных сторожевых кораблей прошел митинг.

В торжественной церемонии приняли участие представители руководства республики, первый заместитель директора ФСБ РФ, руководитель погранслужбы, генерал-полковник Владимир Проничев, начальник Северо-Кавказского регионального пограничного управления генерал-лейтенант Николай Лисинский, члены Союза писателей Дагестана и члены семьи Расула Гамзатова.

Командир Каспийской бригады ПСКР, капитан первого ранга Сергей Стрижов зачитал приказ руководителя пограничной службы ФСБ РФ, в котором говорится, что в целях увековечения памяти выдающегося поэта, внесшего огромный вклад в дело военно-патриотического воспитания военнослужащих пограничных органов и пограничных войск, имя Расула Гамзатова присваивается пограничному сторожевому кораблю третьего ранга «ПСКР-905». Имя поэта также будет носить отделение пограничного контроля «Яраг-Казмаляр» отдельного контрольно-пропускного пункта «Дагестан» Северо-Кавказского регионального пограничного управления ФСБ России.

Фото на 2 стр. обложки

Зульфукар ЗУЛЬФУКАРОВ

Балзам

(Продолжение. Начало в №№ 2, 3 – 2002 г.; 1, 2, 3, 6 – 2003 г.)

МОРЕ ЭНЕРГИИ – ЦИ-ХАЙ

Я уже имел случай рассказать вам, как перед соревнованиями у меня отнялась рука с сильными болями в плече, и никакие медикаменты и замораживания не помогли. Помогло только воздействие на «китайские» точки. Вместо игл я использовал кончик пальца.

Лет за десять до этого случая, ища путь к оздоровлению и пользуясь тем, что мы очень дружили с китайцами, я стал усиленно изучать и примеривать к себе древнюю чжень-цзю терапию. Особенно мне по душе была книга профессора Чжу Лянь, которая возглавляла Пекинский научно-исследовательский институт. Позже, поссорившись с Хрущевым за право наследовать «марксистско-ленинскую философию», коммунистическая макака по имени Мао Цзэ-дун припомнил Чжу Лянь ее «сотрудничество» с Советами и сгноил в китайских гулагах во время «культурной революции».

Иглами колоть себя, да еще по болезненным точкам, я панически боялся. К единственному в нашем городе китайскому кудеснику попасть было невозможно из-за очереди на несколько лет, да и насчет дранья денег он был не дурак.

А о пальцевом чжень в книге Чжу Лянь (может быть, по вине переводчика) говорилось вскользь, и я этому методу почему-то не доверял. Хотя, как фокусник, снимал «глоточные» боли ангинного характера и у себя и у всех, кто попадался мне под руку с таким симптомом буквально за 2-3 минуты: зажимал точку хэ-гу двумя пальцами так, чтобы было терпимо больно и при этом немел мизинец.

Точка хэ-гу находится в мякоти между большим и указательным пальцами, и воздействие на нее показано при заболеваниях головы, лица, носа, глаз, ушей, органов дыхания как дополнительная к основным точкам. А при головной боли, зубной боли, лейкоме, снижении остроты зрения, шуме в ушах, глухоте, носовом кровотечении, тонзиллите, одышке, бессоннице, неврастении, обмороке, ночных потах, аменорее – как основная. Иногда при зубной боли и астме укол, прижигание, воздействие током, пальцами на хэ-гу сразу устраняет болезненные симптомы. Для снятия сильнейшей боли в глотке, когда и слюну без боли не проглотишь, сдави пальцами эту самую хэ-гу – боль прекратится немедленно!

Так вот, после памятного случая на соревновании, я сильно уверовал в пальцевое чжень, по другой версии – до-ин, по третьей, японской – шиатсу, по французской – микромассаж, по советской – точечный массаж, или из-за очень большой любви к иностранным словам, которые особенно прививал товарищ Горбачев, – акупрессура… Стал интенсивно изучать. Стал применять. Обогатился умением снимать усталость, устранять боль любой локализации, восстанавливать и даже прибавлять силы, избавляться от предстартового мандража и мобилизовываться к соревнованиям.

Для большего удобства обзавелся специальной металлической рукояткой собственной конструкции и изготовления с шариком с горошину и с шариком с черешню, чтобы заменить пальцы для большего эффекта воздействия на точки и зоны.

Но когда дело дошло до более серьезного, когда стали страшно болеть ноги, а ногти на пальцах ног омертвели, когда я уже не мог и получаса провести на ногах, а надо было, как и полагается все еще стреляющему на соревнованиях тренеру, быть на ногах, по крайней мере днями – все мои познания и умения оказались ни к чему. Ну, кратковременное облегчение. Ну, на сегодня избавился от острой боли. А болезнь прогрессирует.

Я ухватился за мысль, высказанную французским исследователем феномена китайской иглотерапии и создателя учения по диагностике по точкам на ушах P. Nogier, что, мол, электропунктура (воздействие электрическим током на зону точки без нарушения целостности кожи) и электроакупунктура (пропускание электрического тока через предварительно введенную иглу), по его наблюдениям, ничем не уступают классической иглотерапии, а в случаях обезболивания при хирургических операциях – даже превосходит, и тут же отправился в министерство здравоохранения испрашивать разрешения на… приобретение нужного электроприбора «отечественного производства» – не то Элита, не то Элап, не то пятой модели, не то первой – забыл.

Тот же эффект, но значительно быстрее и без затрат физических сил. А болезнь продолжала давить и ломать.

Будучи в кисловодском санатории по поводу «сердечных дел», я попросился на прием к известному сосудистому хирургу, и он приговорил меня к облитерирующему эндартериитy. И популярно объяснил, что эту страшную болезнь я подхватил из-за того, что не имел места для тренировок. Я зимой, по колено в снегу, в морозы подолгу тренировал и тренировался на правах «железного человека», махнув рукой на замерзающие до предела ноги… И хотя профессор меня успокаивал и прописал всякие сильно действующие лекарства, в том числе вакуумную терапию, я знал, что обречен.

Что – я?! Вся медицинская рать во главе с академиком Чазовым лечила лучшего друга Хрущева и Брежнева, за бесславный проигрыш войны с Израилем ставшего Героем Советского Союза, товарища Насера от такой же болячки, и не смогла. И на самом деле хорошего человека и прекрасного артиста кино Луспекаева, предварительно отрезав ему ступни обеих ног, уморила

до смерти своим лечением. Что – я?!

Возвернувшись из санатория, я разработал свою тактику и стратегию за право остаться жить в этом мире, о котором даргинский великий поэт Омарла Батырай сказал еще тогда, когда этот мир был получше:

Будь неладен этот свет…
Что за похвалы пора!
Сокол дохнет на руке,
Мясо ж вороны едят.
Да померкнет этот свет!
Что за подлая пора!
Конь у стойла позабыт,
А ячмень ослам дают.

Надо было, полностью положившись на то, что электричество ничуть не хуже игл, настроиться на длительное лечение. Один сеанс в неделю. По мере улучшения состояния сеанс проводить раз в месяц. На сеанс брать не более трех-четырех точек. В следующий сеанс эти точки менять на другие… Какие-то точки седатировать, какие-то – тонизировать. Меридиан желудка насытить энергией. Меридиан селезенки – наоборот… Седатировать отрицательным током столько-то секунд, такой-то силы и такого-то напряжения. Тонизировать – положительным…

В этот момент в журнале «Физкультура и спорт» (как хорошо, что я оказался в обществе «самых читающих в мире»!) появилась статья, которая переворачивала все мои познания и умения в чжень-цзю терапии с ног на голову (что не всегда плохо, смотри главу о хатха-йоге).

В статье говорилось, что…

Нет, вы много потеряете в пересказе. Я дам вам возможность прочитать ее. Обратите внимание на подписи под статьей. Опять не медики делают открытия в своей сфере… А доктор ФиС – это работник редакции Владимир Преображенский. Об этом я узнал из переписки с журналом. Действительно доктор и… мастер по восьми видам спорта!

УПРАВЛЕНИЕ БЕЗ СБОЕВ

В пяти номерах журнала на «8 страницах о здоровье» была напечатана серия статей специалистов по точечному массажу. На них пришло немало читательских откликов. И вот еще одно письмо, которое заставило меня отложить на время все заботы и съездить в Обнинск. Прислал его Лев Николаевич Усачев, лауреат Ленинской премии, доктор физико-математических наук, альпинист и необыкновенный горнолыжник. Напомню коротко об Усачеве.

Лев Николаевич при восхождении на пик Ленина отморозил пальцы на руках и ногах. На одной ноге пришлось ампутировать стопу до половины, на другой – всю стопу и половину голени. На протезах в пожилом возрасте Лев Николаевич освоил слаломные повороты. И не только катается на лыжах сам, а втянул в занятия горнолыжным спортом сослуживцев и всю свою семью: жену, детей, сноху, внучку. Физики и математики – народ спортивный. Спорт им необходим для творчества и отдыха. В Обнинске физики насыпали повыше горку, осветили ее, поставили подъемник. Катаются в будни и по выходным, а в отпуск ездят в Кировск, на Чегет, в Карпаты!

На горнолыжной почве мы и познакомились с Львом Николаевичем. И я, врач-горнолыжник на своих ногах, однажды задал ему вопрос, который давно меня интересовал: «Если лыжный ботинок натрет стопу, катание из радости превращается в страдание. А вы, Лев Николаевич, поворачиваете на протезах. Скажите: спуск с горы для вас мучение ради подвига и самоутверждения, что, в общем, тоже очень ценно, или все-таки в нем есть капля радости и удовольствия, которые испытываем мы, управляя своими послушными ногами?».

Лев Николаевич засмеялся. Взял протез, на котором он катается на лыжах (для лыж у него протез усиленный, а было это в Обнинске у Усачева на квартире). Надел протез. Надел и лыжу – показал, такая у него манера – сначала показать. «Видите, мне ничего не трет, не давит. Никакой боли во время катания не испытываю. Протезы и лыжи ощущаю в повороте как продолжение собственной ноги. Организм наш удивительно пластичен! Единственное неудобство – небольшой люфт во время разгрузки лыж при входе в поворот. Стопы-то одной нет, и голень при разгрузке немножко выдергивается вверх. Приходится стоять в задней или передней стойке, как принято говорить у горнолыжников, а не точно над опорой. Тогда голень заклинивается в протезе. Не ерзает. И чувствуешь себя устойчиво. Помогает мне и специальный ремешок на протезе, перекинутый поверх согнутого колена, он не дает голени выдергиваться. Вниз приехал – расстегнул ремень, выпрямил колено, вверх поднялся – застегнул. А в остальном как на своих ногах… Неужели, вы думаете, только ради подвига и самоутверждения я стал бы рваться в горы и на обнинскую горку каждый свободный час и день! Нет! Спуски с Чегета или Тростяна на протезах – наслаждение и радость!»

И вот от этого удивительного спортсмена, ученого, общественного деятеля, пришло письмо, а в нем такие строчки:

«Вечерами на Чегете после катания на лыжах мы с женой в контакте с местными врачами занимались чудесным исцелением от недугов с помощью приборчика для электропунктуры. Четверо горнолыжников были избавлены от давних мучительных болей в коленях и контрактуры мышц (достаточно одного или нескольких сеансов по 5-10 минут). Трех спортсменов мы вылечили от радикулита (здесь на лечение уходило час-полтора). Один из них лежал скрюченным в известной вам хижине при кафе «Ай!», а после лечения катался с нами, позабыв о заболевании. Травма плеча и гематома еще у одного горнолыжника. Рука не поднималась. Десятиминутная коммутация в биологически активные точки – рука поднимается, человек на склоне!

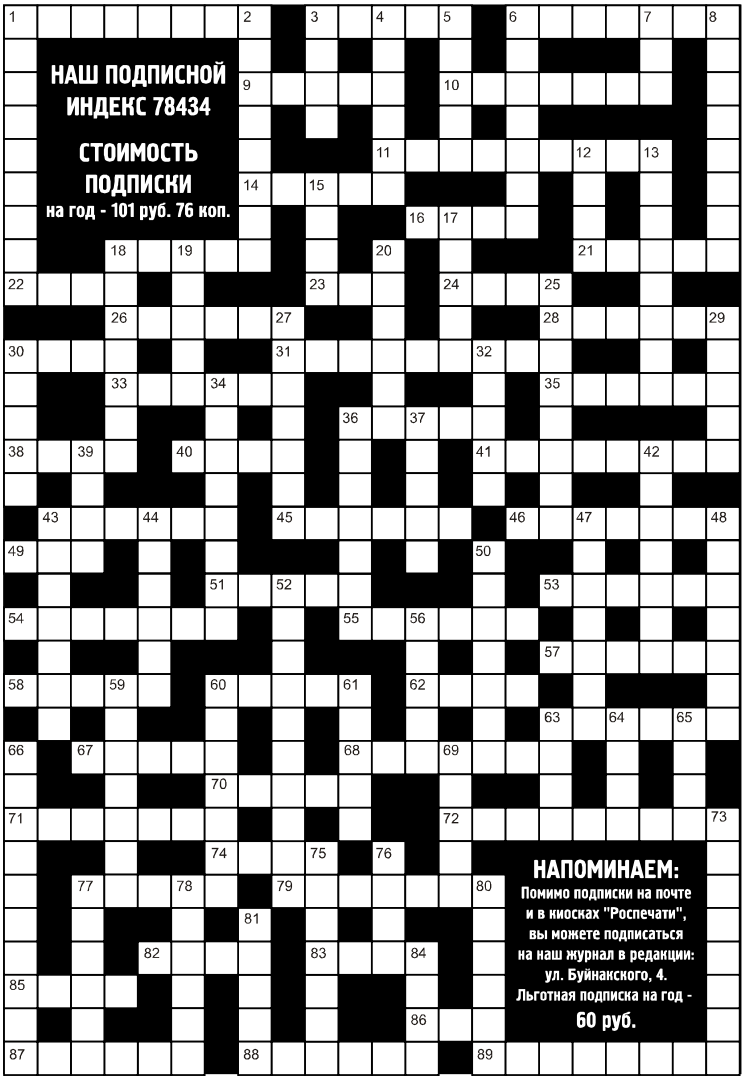
В мае, опять же в контакте с местными врачами, мы продолжали лечение в Кировске (на проводах зимы). Результаты снова поразительны.

Так что же это за прибор? В 1973 году такой прибор сконструировал наш обнинец кандидат физико-математических наук Иван Андреевич Леднев. И мы теперь ученики Леднева. Механизм воздействия приборчика и метод лечения по Ледневу очень просты. Причина многих болезней – нарушение связи центральной нервной системы с нашими органами. Точки древней медицины, в которые обычно вкалывают иглы, – это выведенные на поверхность клеммы к этим линиям связи. Приборчик позволяет (без иголок) провести диагностику линии связи и восстановить нарушение ее, пропуская (через клеммы) слабый, совершенно безопасный постоянный ток (до 100 мкА). При восстановлении линии связи исчезают функциональные болезни, а следовательно – и боли. По сути дела мы используем древнейший метод иглотерапии на современном уровне.

Надеюсь, что ваш журнал, который так много внимания уделяет здоровью людей, заинтересует это лечение. Я же себе поставил цель на пятилетие по линии общественной деятельности – внедрить этот приборчик и метод в широкую практику лечения болезней».

(Продолжение следует).

КРОССВОРД



По горизонтали: **1.** Разновидность игры в шашки, в которой победителем считается побежденный. **3.** Это произошло с населенным пунктом Ахульго 22 августа 1839 года. **6.** В Буйнакске – производила обувь, в Махачкале – галантерею. **9.** «Предок» доллара. **10.** Фильм А. Тарковского. **11.** Непопулярный в Дагестане вид «транспорта». **14.** Слепой, но талантливый предводитель гуситов. **16.** Род большого стоячего ящика, в котором согласно традиции обретаются любовники. **18.** Человек, который впрягается в повозку. Имеет место быть на рынках Махачкалы. **21.** «Прелюдия» расплаты. **22.** Скульптурная композиция в форме этого инструмента находится у здания Русского драмтеатра в Махачкале. **23.** Хвойная вечнозеленая. **24.** Точка соприкосновения двух «крайностей». **26.** Один из критериев значительности дагестанского начальника. **28**. То же, что и воин. **30.** Напиток, получивший название от арабского «кахва». **31.** Устаревшее средство казни. В наших краях не применялось. **33.** Ароматическое нитросоединение, составляющее главной проблемы XXI века. **35.** Столица европейского государства, город, сложившийся вокруг мавританской крепости Маджирит. **36.** Без этого устройства с точкой опоры у Архимеда ничего бы не вышло в переворачивании планеты. **38.** Хитрый, льстивый человек. **40.** Ханум в США, «уменьшенная» почти в 2 раза. **41.** В наше тревожное время каждое благоразумное учреждение имеет такую единицу штата. А то и две. **43.** Обалдуй. **45.** Детям туда ходить гулять строго воспрещается. **46.** Инструмент милиционера. **49.** «Нехорошие» слова. **51.** Выход воздуха из организма. **53.** Место для размышлений в одиночестве в тюрьме. **54.** Пренебрежительное слово в отношении движимого имущества. **55.** Часть христианского храма. **56.** Плывет по реке – похожа на крокодила. **58.** Тусовка ведьм. **60.** Та точка неба, которая всегда надо мной. **62.** Центр оптической промышленности в Германии. **63.** Популярные в Дагестане женские штаны. **67.** Меньше народу – больше кислороду, еще больше кислороду находится в значении этого слова. **68.** Грузинское «койсу». **70.** Город, носивший когда-то название Халтурин. **71.** Древнеегипетская бумага. **72.** Передача «Два вопроса» Дагестанского ГТРК по жанру. **74.** Река с женским именем. **77.** Шуры-муры. **79.** Там, как и у нас, царят суровые законы. **82.** Редкий человек в наших краях. **83.** То, что получаешь, не получив того, что хотел. **85.** Место жительства всемогущего. 86. Республиканская исламская газета. **87.** В паровом котле – предохранительный. **88.** У шайтана она всегда на один больше. **89.** Работяга, отечественный производитель.

По вертикали: **1.** Сооружение, не ставшее зданием. **2.** То, что культивируется в коллективах с нездоровой атмосферой. **3.** Выделение желез особенных гусениц, используемое человеком. **4.** Это обещают найти на того, кто обижает. **5.** Просто кость. **6.** Ходжа Насреддин, кроме того, что веселый человек. **7.** Самый известный из неизвестных. **8.** Белая ворона. **12.** «Шапка» пива. **13.** Профессия, которая становится у нас все востребованнее: чувство вкуса развивается. **15.** Остановит кровопролитие, но не женщина, бросившая платок. **17.** Портсигар горцев. **18.** Для игры в теннис. **19.** Основы мировоззрения индивида. **20.** Рама для вышивания. **25.** Советский комедийный артист кино. **27.** Когда дело получит это – о нем узнают все. **29.** Известная фотофирма. **30.** Самый быстрый способ плавания. **32.** Отверженный. **34.** Приобщение верующего к божественной благодати в христианстве. **36.** Состояние экономики, из которого мы только-только начали выходить. **37.** Шнурок с бусинами, ведущий счет молитвам. **39.** Делегат жениха. **42.** Их читают родители детям. **43.** «Коллега» зурны на дагестанских свадьбах. **44.** Соленое озеро в Казахстане. **47.** Город невест. **48.** Горная система в Европе, куда ей до нашего Кавказа. **50**. Руль. **52.** Сказочная «страна» для детей. **56.** «… рукописного корана» – фильм по мотивам книги А. Абу-Бакара. **59.** Крайне крайний север. **60.** Частый кустарник. **61**. Летняя поклажа на спине горянки. **63.** Средство вертикального передвижения. **64.** Яблочное вино. **65.** Химический элемент, используемый в рекламном бизнесе. **66.** Споровое травянистое или древовидное растение. **69.** Беспорядочное скопление. **73.** Говорят, такой парк появится и в Махачкале. **75.** Искусственно вызванное возбуждение с целью привлечь внимание. **76.** Обувь из оленьего меха. **77.** Так дразнят в детстве высокую девочку. **78.** Минеральная вода, мучающая курортников. **80.** Когда-то это слово создавало впечатление несомненного качества продукта. **81.** Общество спасания на водах. **84.** Водоросли в застоявшейся воде.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4-5

По горизонтали: **1.** «Колокол…» **4.** «Предание…» **10.** Цада. **11.** Рог. **12.** Глаза. **13.** Пес. **14.** Сценарий. **16.** Мандала. **19.** Навары. **21.** Пари. **22.** Абрек. **23.** Адмирал. **24.** Сон. **29.** Бек. **30.** «Легенда». **31.** Истома. **32.** Сказание. **33.** Пират. **37.** Богатство. **38.** Сват. **39.** Исбат. **41.** «Тавусе». **43.** Вестник **44.** Аул. **45.** Сатана. **47.** «Осень». **48.** Сонет. **50.** Улан. **52.** Ахвах. **53.** «Горянка». **55.** Иран. **57.** «Признание». **60.** Очаг. **63.** Гимры. **64.** Певец. **65.** Ванга. **66.** «Базалай». **67.** Лиса. **68.** «Габиб».

По вертикали: **1.** «Корзины». **2.** Луг. **3.** «Концерт». **4.** Пери. **5.** «Долалай». **6.** Низами. **7.** Час. **8.** «Чаша…» **9.** «Свадьба». **10.** Цена. **15.** Автограф. **17.** Надписи. **18.** Лермонтов. **20.** «Вечерело». **25.** Весна. **26.** Серенада. **27.** Адат. **28.** «Лестница». **33.** Повесть. **34.** Патимат. **35.** «Аттестат…» **36.** «Завет…» **37.** Бес. **38.** Свирель. **40.** Больница. **42.** Ева. **43.** Время. **46.** Акация. **48.** Селим. **49.** Игла. **51.** Нара. **54.** Караван. **56.** Намаз. **58.** Непал. **59.** «…имена». **61.** Гуниб. **62.** «Снег».

Работы Манабы Магомедовой.
Читайте на стр. 10

**Манаба Магомедова,
Кадыр и Лейла Изабакаровы,
«Древо желания».**

Читайте на стр. 10